

Виталий Новиков

ПЛУТ

роман

Виталий Новиков

Плут. роман

«Издательские решения»

Новиков В.

Плут. роман / В. Новиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748980-9

Бизнесмен Олег Суматохин в душе остаётся ребёнком. Он много времени проводит в обществе друзей, чем очень раздражает свою жену. Ещё он совершает легкомысленные поступки, за которые рано или поздно приходится расплачиваться.

ISBN 978-5-44-748980-9

© Новиков В.
© Издательские решения

Содержание

Главная часть	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Плут
роман
Виталий Новиков

© Виталий Новиков, 2016

ISBN 978-5-4474-8980-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Главная часть

Глава 1

– Суматохин, вставай! Олег?!

Суматохину снилось, что он летает по какому-то тоннелю, словно какая-нибудь микрочастица перемещается внутри трубообразного сосуда, внутри человеческого организма. Стенки сосуда переливаются оттенками красного и желтого цветов, впереди черная дыра. Путь чрезвычайно извилист, непредсказуем, но он летит аккуратно, не касаясь стенок, быстрее и быстрее. Он осознает, что совершенно пассивен и не пытается сопротивляться этому движению. Наконец это ему надоедает, и он усилием воли решает взять себя в руки и остановиться. Но у него ничего не получается и полет продолжается. От этого ему становится страшно. Страшно от того, что он не может понять, куда он летит и зачем?

– Олег, ну вставай же! Хватит спать!

На этот раз голос жены вырвал его из этого мутного неприятного сна. Он открыл глаза, потом снова закрыл, потянулся, перевернулся на другой бок и плавно перешел в состояние полудремы, в котором он мог пребывать неприлично долго.

– Олег, вставай. Ты поедешь на работу или нет?! Сколько можно спать? – не унималась жена.

Суматохин приоткрыв глаза, повернулся на другой бок, в ту сторону, откуда раздавался голос жены. Элеонора сидела на пуфике перед трюмо и заканчивала макияж.

– Норик, ну что ты заладила: вставай, да вставай, дай человеку отдохнуть, – жалобно пролепетал Суматохин.

Элеонора встала, подошла к кровати, наклонилась, поцеловала Суматохина в лоб, вытерла пальчиком след, оставшийся от помады и сказала:

– Дорогуша, хватить валяться, сколько можно? Имей же совесть.

Ласковый чрезмерно добродушный тон супруги заставил Суматохина насторожиться. Он окончательно открыл глаза. Выбрал удобную позу, чтобы легче было собраться мыслями.

– Нори... – но что он хотел сказать, он забыл, так как еще не успел окончательно прийти в себя после сна.

– Что милый?

Суматохин наконец вспомнил забытую мысль.

– Нор, а ты далеко собралась? – спросил он.

Элеонора стояла около комода и вынимала из открытого ящика какие-то предметы, складывая их в сумочку. Среднего роста, молодая, со складной фигурой, простыми приятными чертами лица, что делало её по своему красивой, распущенными волосами, до плеч окрашенными в баклажанный цвет, Элеонора была из того типа московских женщин, которых опытные московские ловеласы и прочие знатоки женской природы смело определяют при визуальном знакомстве, как обеспеченных особ, которые: никогда не брезгают лишним раз в обществе блеснуть своим положением; умело создают впечатление о своём доме, как образце семейного благополучия; но в то же время способны на маленькие безрассудства при должном для этого подходе. Необычное имя – Элеонора, давало повод знакомым четы Суматохиных видоизменять его каждому на свой вкус. Нора, Нори, Норик – так звал ее муж. Большинство знакомых в общении с ней использовали милое по своей простоте – Эля.

Отец называл её Лео. Свекор, который видел её всего два раза в жизни: первый раз на свадьбе, второй раз, когда приезжал к ним погостить денёк другой из родной Тверской области – звал её Леонора.

Суматохину показалось, что жена проигнорировала его вопрос, и поэтому повторил его.

– Я еду в турагентство, – ответила Эля.

– Устраиваться на работу? – спросил Суматохин.

– Нет, сладкий мой. Выбирать путевку.

– И деньги уже взяла?

– Пока нет.

Суматохин понял, что это «пока нет» означает, что за всё придется расплачиваться ему.

– Пансионат в Подмосковье, Селигер или может быть Сочи? – спросил он.

– Меньше, чем на Турцию я не согласна.

Суматохин не мог найти нужных слов для продолжения разговора. Осознание грядущего удара по семейному бюджету вывело его сознание из нормального мыслительного процесса. Воображение его рисовало самые страшные последствия этого удара. Ему казалось, что этот удар может быть таким, что после него он уже не сможет оправиться никогда.

– Олег, что с тобой? – обратилась к нему Элеонора.

Но он впал в забытие, в штопор и ничего не слышал вокруг, просто лежал, тупо уставившись в одну точку. Слова Эли дошли до него только после того, как она в третий раз повторила вопрос.

– Ничего. Ничего, просто задумался, – сказал он первое, что пришло в голову.

– А я уже испугалась. Дорогой, ты на работу поедешь? Или нет?

– Да, сейчас, соберусь. А сколько сейчас времени?

– Половина первого.

– Да, нужно ехать.

Суматохин откинул одеяло и сел на край кровати. Эля подошла к нему, поцеловала в лоб и попрощалась:

– Ну, я пошла.

– Скоро вернешься? – спросил Олег.

– Как получится.

«Вот жизнь. Докатился. Жена меня точно скоро в могилу загонит со своими сумасшедшими запросами. Надо что-нибудь придумать, чтобы остановить ее. Как же скверно начинается этот день. За что мне эти муки?» – рассуждал Суматохин, сидя на краю кровати. Напротив него, у противоположной стены комнаты, находилось трюмо, и он взгляделся в своё отражение. На него глядел молодой полноватый на вид тридцати лет человек, с взъерошенными соломенного цвета волосами на идеальной по форме голове и несколько грустными серыми глазами на смугловатом лице.

После того как Суматохин привёл себя в порядок и позавтракал, малая стрелка часов перевалила за первый час. Это обстоятельство заставило помучиться над вопросом: «Ехать или не ехать на работу?». Ехать на машине ему не хотелось из-за пробок, на метро, которым он уже не пользовался несколько лет, тем более. Собственно обязанности являться на работу в строго определенные часы у него не было, так как у него было собственное небольшое рекламное агентство, в котором он в последнее время появлялся всё реже и реже. Всеми делами агентства занимался управляющий Миша Тихомиров, нарочно выбранный Суматохиным из незнакомых людей, чтобы в случае чего можно было спросить с него по всей строгости. Дела в агентстве шли с переменным успехом, в последнее время вообще без успехов. Нора уже извела его намеками заменить Тихомирова её двоюродным братом. Она не скрывала, что подозревает Михаила во всех смертных грехах, в первую очередь в присвоении некоторой части доверенных средств. Суматохин знал, откуда дует ветер. В агентстве работали подруги жены, устроенные по её же просьбе. Поэтому Суматохин, здраво рассуждая, не исключал, что им могло доставаться иногда от Тихомирова, и они, пользуясь знакомством с супругой шефа, распускали о своём начальнике разные сплетни. Во всяком случае, когда Суматохин напрямую спрашивал

своих подчиненных по поводу каких-либо компрометирующих действий своего начальника, они отвечали, что ничего подозрительного не замечали за ним. Суматохин и сам ясно осознавал, что Тихомиров, да и подчинённые, могли проворачивать левые заказы и не фиксировать их в документах. Поэтому он считал необходимым съездить в офис и пролистать все бумаги, особенно по чёрной кассе, самому поговорить с работниками, дать им новую установку. Всё взвесив, Суматохин решил, что для этого надо как следует собраться, подготовиться, а в данный момент он был не готов. День начинался паскудно и предчувствие подсказывало ему отложить решение этой проблемы до лучших времен.

С чашечкой горячего кофе в руке он прошел из кухни в комнату и подошел к окну. За окном большими хлопьями валил снег, так что за ним с трудом можно было разглядеть огромное серое здание. «Давно не было такого снега в Москве», – подумал он. Привычный вид из окна сильно изменился из-за этого. И от этого у Суматохина также резко изменилось настроение в лучшую сторону. «Как хорошо, когда вокруг много белого, – думал он. – Как хорошо, что у меня есть всё, что мне нужно, что мне не нужно стоять, как вон тому нищему на углу дома с протянутой рукой, что я живу в тепле и сытости; что мне не нужно снова тудасюда, как те простые люди, вечно куда-то торопящиеся; что я свободен в отличие от них и это самое главное». Он развлекал себя наблюдением за людьми, их поведением и невольно упёрся взглядом в кафе, расположенное на первом этаже, на углу серого большого здания, находившегося напротив: на другой стороне улицы. Над окнами кафе, большими буквами из неоновых ламп горела вывеска «Три листика». Это вызвало у него неприятные воспоминания, и чтобы поскорее отвлечься от них, Суматохин отошёл от окна, плюхнулся в кресло и включил телевизор. В это время по телевизору шли, в основном, только сериалы и ток-шоу. Суматохин остановил свой выбор на самом дурацком на его взгляд ток-шоу, чтобы можно было поменьше думать.

Во время рекламной паузы раздался телефонный звонок. «Чёрт. Нора опять забыла включить автоответчик», – выругался про себя Суматохин. «Поднимать или нет? В случае чего всегда можно сказать, что меня не было дома», – никак не мог решиться он и загадал, если звонок не умолкнет в ближайшие десять секунд, то он все-таки поднимет трубку. Он медленно досчитал до десяти, после чего, еще несколько поколебавшись, снял трубку.

– Слушаю.

– Это я тебя слушаю, ты, куда пропал подлец? – услышал он на другом конце вроде бы знакомый и в то же время незнакомый голос. То, с каким тоном этот человек произнёс слово «подлец», несколько напрягло Суматохина, так что он и не знал, что на этот ответить.

– Алло, – только и смог выговорить после некоторого замешательства Суматохин.

В ответ молчание.

– Алло. С кем я разговариваю? – Суматохин говорил чётко и твёрдо, чтобы не выдать волнения.

– Что не узнаешь, подлец? – на этот раз голос было еще более, даже скорее нарочито резким, и еще более сделал ударение на последнем слове.

– Я что-то не пойму: кто прикалывается? Ванилин? Или ты, Гриб? – Суматохину уже надоело находиться в подвешенном состоянии.

– Значит, все-таки хочешь узнать, с кем разговариваешь? А новый коммерческий канал у тебя показывает? – голос несколько смягчился.

– Вроде бы.

– Найди его.

С помощью пульта Суматохин нашел этот канал. Шёл художественный фильм. Голос одного из героев показался Суматохину знакомым.

– Димон, неужели это ты? – наконец догадался он.

– Я, кто же еще.

– Что же ты сразу не сказал?

– А ты испугался. Признайся, испугался? Натворил чего-нибудь?

– Испугаешься тут. Артист хренов. Ну, как ты? Рассказывай, где сейчас, в Москве?

– В Москве, где же ещё. А ты забыл, какой сегодня день?

– Какой?

– Неужели забыл?

– Какой сегодня может быть день? Седьмое ноября кончилось уже, а день милиции только завтра будет.

– Ну, ты даешь, старина. Как ты мог забыть, тот день, десять лет назад. Мы втроем: я, ты и Лось... – голос Дмитрия переменялся и стал серьёзным.

– Ах, вот ты о чём. Это я помню.

– И ты, так спокойно об этом говоришь, как о чём-то незначительном, малозначащем...

А как же клятва? – в голосе Дмитрия появились нотки возмущения и Суматохин никак не мог понять: актёрствует тот или говорит искренне.

– Нет, ну конечно я понимаю, клятва есть клятва. Но, но, но это было, согласишься, сто лет назад и нам было чуть больше двадцати – не самый лучший возраст для умных поступков.

– А ты всё такой же изворотливый. Как давно мы все-таки не виделись, – то ли задал вопрос, то ли просто заметил Дмитрий.

– Действительно давно. Лучше расскажи как у тебя дела?

– Дела помаленьку. Сам видишь, продвигаюсь: медленно, но верно.

– Уж не приbedнялся бы. Знаю это помаленьку. Небось денег куры не клюют и от девок отбоя нет.

– Ну, денег, брат, сам знаешь, много никогда не бывает...

Они еще много болтали, в основном о пустяках, Суматохин мог это делать необычайно долго, пока Дмитрий не попытожил разговор:

– Слушай, Олег, я собственно, зачем звоню тебе. У меня к тебе предложение, от которого ты не имеешь права отказаться.

И Дмитрий поделился с Олегом идеей отметить годовщину, того памятного дня в том же составе плюс жена Суматохина. Так как по плану Дмитрия это мероприятие предполагалось провести именно у Олега.

– А почему у меня? – поинтересовался он.

– Тебе что, жалко что ли?

– Нет, просто интересно.

– Ну, во-первых, у меня сейчас ремонт в квартире, во-вторых, Лось тоже у себя не может принять, жена его не может понять: не любит она очень гостей, женщина, надо признаться, с очень непростым характером, поэтому Лось будет скрывать этот сейшн.

– Лады, приезжайте.

Дмитрий обещал приехать к пяти-шести часам. Лось с его слов должен был показаться в то же время или же несколько позже.

«Эх, Дима, Дима, значит всё же жизнь удалась. А Лось – ну кто не знает, что наш Кирюха Полянский, нынче уже совсем не Лось и не Кирюха, а Кирилл Николаевич Полянский, вице-президент концерна „Олимп“, и как поговаривают крутится в команде самого Балаева. Что ж, остается мне только порадоваться за вас ребята от всей души», – рассуждал Суматохин. Но что-то не радостно было ему от всего этого. Чтобы ни говорилось о белой зависти или доброжелании к преуспевающему в отличие от тебя близкому человеку или другу; всё же чаще всего мы с трудом прощаем им успех или удачу. Суматохин понимал, что это чувство вполне естественно и поэтому не стал копать в нём, растрачивая нервы и душевные силы, и постарался быстро переключить мысли на что-нибудь другое. Он откинулся в кресле, закрыл глаза и мысленно вернулся на десять лет назад.

Глава 2

Он ясно вспомнил, как он, тогда двадцатилетний студент третьекурсник, отправился со своими друзьями Димоном и Лосем в ресторан, как они тогда шутили-говорили, дабы вкушать немного «сладкой жизни». Всё было прекрасно в тот вечер: еда, музыка, коньяк, умные разговоры и конечно ни с чем несравнимое ощущение лёгкости и вседозволенности. Не хватало только одного для полного счастья – женщин. Те, что находились в ресторане, были либо слишком не молоды для них, либо заняты. Дмитрий поспорил с товарищами, что сейчас выйдет на улицу и «снимет» первых попавшихся на глаза девушек. Товарищи не поверили ему, так как были неопытны еще в этих делах, и знали, что Дмитрий также не далеко ушел от них в этой области. Каково же было их удивление, когда они увидели своего друга, сопровождавшего к их столику двух девушек. Как он мог в такое время, почти ночью, кого-то выпепить на улице, да ещё уговорить пойти с собой? Этого они не могли понять. Они тогда еще не понимали, что алкоголь действует на людей по-разному. Выпив, Дмитрий преобразался: он начинал чувствовать, что ему по силам перевоплотиться в кого угодно, будь то в злодея, в донжуана или бог весть в кого ещё. Именно тогда, во время приобретения питейного опыта, он чувствовал в себе этот дар. Вследствие чего, впоследствии бросил технический ВУЗ и с первой попытки поступил в театральный.

Обе девушки оказались хороши собой, особенно одна – Наташа. Суматохину тогда казалось, что он влюбился в неё. Даже Полянский, который уже с великим трудом держал себя в более-менее приличном состоянии, глядя на неё, старался, как мог, смотреться молодцом.

Ничто не предвещало беды. Дмитрий веселил девушек: рассказывал анекдоты, смешные истории, задавал им дурацкие пошлые вопросы. Суматохин и Полянский молча кивали ему и ради приличия улыбались после его очередной шутки. Впрочем, вскоре им стало совсем не до шуток. По всем правилам девиц надо было чем-то угощать, а деньги как назло кончились. Бутылку шампанского, на которую ушли последние гроши, Наташа и ее подруга осушили так быстро, что друзья не успели опомниться, а когда до них дошло, в каком они оказались положении, то тут же решили посоветоваться с глазу на глаз, отдельно от девчонок. Дмитрий шепнул на ухо Суматохину, что не плохо бы им выйти на некоторое время проветриться – покурить. Полянского оставили ухаживать за девушками, хотя толку от него уже никакого не было, поскольку он уже начал клевать носом, и ему уже по большому счету было плевать на всё, что происходит вокруг. На свежем воздухе Дмитрий и Олег решили, что правильный и единственный шанс не потерять девушек в сложившейся ситуации – это продолжение вечеринки у кого-нибудь из них троих дома. Ни у Дмитрия, ни у Олега таких возможностей не было, поэтому надо было настроить, уговорить Полянского, у которого была свободная квартира. Вернувшись в зал ресторана, Дмитрий и Суматохин тревожно переглянулись. Полянский сидел в гордом одиночестве.

– Вон они, – кивком головы Полянский указал на небольшую танцплощадку, на которой девицы танцевали медленный танец с новыми кавалерами, когда Суматохин попросил его объяснить, что случилось.

Оттанцевав подруги, не вернулись на прежние места, а направились к новым ухажерам. Это были двое немолодых мужчин, наверное, более чем вдвое старше девушек. Один был крепкого телосложения, с редкими темными волосами, зачёсанными на бок и усами, одетый в костюм двойку серого цвета и красный галстук. Другой был полный, широкий с головой в форме тыквы, большой лысиной, также в двойке, только без галстука, верхние пуговицы его рубахи с пёстрым рисунком были расстегнуты, открывая волосатую грудь. Их столик ломился от многообразия блюд и напитков, и осилить все это добро им одним явно было не под силу.

Впрочем, по всей видимости, они и не ставили перед собой такой цели. Главное было показать себя, свою значимость.

Друзья-студенты оказались не у дел, им ничего не оставалось, как только молча с тоской и нескрываемым раздражением наблюдать, как солидные дяди ухаживают за девушками, несколькими минутами назад составлявшими им компанию. Девицы вели себя непринужденно и старались не смотреть в сторону студентов.

– Шлюхи, – бросил зло Дмитрий.

– А ты думал «порядочные» в такое время ходят с первыми встречными в ресторан? – более спокойно высказал ему Суматохин.

И потом после короткой паузы добавил:

– Жаль, что и выпить нечего. Сплошной облом.

Олег уже тогда был искушен более своих товарищей в любовных делах, и поэтому менее их переживал из-за этого промаха. Дмитрий же напротив никак не мог успокоиться и всё что-то ворчал себе под нос, как будто обращаясь к кому-то невидимому. Через некоторое время Полянский начал понемногу отходить от своего тяжёлого состояния и стал также включаться в ситуацию. Для начала он поддержал Дмитрия, отпустив ряд грозных ругательств в сторону неверных девиц. Причём в отличие от друга сделал это достаточно громко, так что дамы, сидящие за соседними столиками, начали оглядываться и нервно ёрзать на стульях. Полянский находился в том опасном состоянии, когда человеку остро чего-то не хватает, и он не знает на какой предмет выплеснуть рвущуюся наружу энергию. Если бы он выпил еще – возможно он бы успокоился. Если бы девушки остались с ними – он бы попытался поухаживать за одной из них. Но ни одного, ни другого теперь не осталось. Суматохину не нравилось настроение товарищей, но он не имел привычки противопоставлять себя или свое мнение большинству, и поэтому молчанием сначала поддерживал их. Потом решил всё-таки вернуть их к реальности.

– Ну и что вы предлагаете делать? – обратился он к ним.

– Что делать? – переспросил Полянский. – Я знаю, что делать. Сейчас увидите.

И он поднялся из-за столика, подошёл к музыкантам, заказал медленную мелодию, после чего направился к столику, где сидели покинувшие их девушки. Но сделать это было не очень то и легко – мешали тяжесть в ногах и шум в голове. Из-за этого Полянский добрался до цели не без труда и не без жертв: на полпути он зацепил худосочного, интеллигентного вида товарища, да так, что тот свалился со стула. Повергнутый быстро встал и оправился и что-то хотел высказать, но не мог, молча открывал рот и опять закрывал, как рыба, выкинутая на берег: то ли от шока, то ли из-за страха перед высоким широкоплечим Полянским. По залу ресторана прокатился ропот, особенно надрывался надрывный нервный голосок одной дамы, сидевшей около сцены и голос ее спутника, повторяющий время от времени что-то вроде: «тебе что, больше всех надо?». Но Полянский был занят лишь своим замыслом и не замечал ни волнения, ни шума вокруг себя. Стараясь держаться ровно, он остановился около Наташи, немного поклонился и протянул ей руку, сказав:

– Можно?

Наташа взволнованно посмотрела на своих новых спутников, как будто говоря глазами: «Господи, ну что ему от меня надо?».

Полянский повторил более твердо:

– Можно?

Усатый враждебно посмотрел на Полянского, но тот не обратил на него внимания. Наташа всё-таки не выдержала и встала. Полянский взял её за руку и повёл танцевать.

Вокальный инструментальный ансамбль исполнял песню о неразделённой несчастной любви. И вдохновлённому этой песней, примеряя ее грустный сюжет на себя, Полянскому казалось, что ему сейчас море по колено и плевать на всё и всех. Он крепко обнял партнершу обеими руками и шептал ей на ухо голосом змея-искусителя:

– Знаешь, я таких еще не встречал. Верить? Впрочем мне плевать: веришь ты или нет?

Наталья старалась вывернуть голову, как можно дальше от уст, навязчивого кавалера, запах, шедший от которых, казался нестерпимым. А от его слов по ее телу прошла нервная дрожь. Полянский почувствовал это и продолжил:

– Не бойся. Никогда не бойся, когда я с тобой. Слышишь?

И сжал её еще крепче.

– Пойдем со мной. Ты пойдешь со мной? – продолжал Полянский.

Наталья молчала. Ансамбль уже прекратил играть и другие танцующие пары разбрелись по своим столикам. Но Полянский продолжал кружиться, будто вокруг своей оси со своей партнершей, переваливаясь с боку на бок.

– Ну что ты молчишь? Скажи да. Я знаю, ты хочешь сказать: да. Говори скорее. А то я... А то я...

Полянский ослабил объятие, и Наташа вывернулась, освободилась и попыталась ускользнуть от него. Но Полянский изловчился и поймал её руку и резко притянул к себе, так что она чуть не упала.

– Пойдем, – приказал Полянский и направился к выходу, ведя за собой Наташу. Но путь уже был закрыт. Около выхода толстяк и усатый отдавали уже приказания трём дюжим молодцам и те, дослушав указания, бросились навстречу Полянскому. До этого пассивно наблюдающие за происходящим Дмитрий и Суматохин кинулись на помощь другу. Почувывая запах крови публика заревела. Особенно опять выделялся противный голос дамочки, которой больше всех надо было.

Прямым с правой Полянский свалил первого подбежавшего молодца. Следом за ним подбежали другие двое и Димон с Суматохиным. Началась свалка. На помощь молодцам кинулись люди из публики, в том числе и женщины. Полянского схватили сзади за руки и пытались повалить, в конце концов его повалили. Полянский пал спиной прямо на человека, державшего его сзади. Образовавшийся вокруг него кружок ног прошелся отчаянно весело по его бокам, доставалось и лежащему под ним. Больше всех старался худосочный интеллигентик, отпускающий самые смачные удары с размахом и расстановкой. А потом Полянский почувствовал, как кто-то очень больно схватил его за волосы и злобно пролаял:

– Хамово отродье.

Это был голос дамочки, которой было больше всех надо...

Измученные, избитые Полянский и компания добрались до ближайшего скверика, нашли скамейку почище и расположились на ней. Была уже глубокая ночь.

– Как я в таком виде появлюсь дома? – сказал Дмитрий. Верхняя теплая одежда у них не пострадала, а вот легкая: рубашки, свитера, брюки поистрепались достаточно, но больше всего пострадали их лица.

Суматохин по этому поводу не волновался, потому что жил в общежитии.

– Хочешь, переночуй у меня, – предложил он Дмитрию.

– Зачем. Всё равно это не скроешь, – и он показал лицо.

– Да, вот так получается – деньги решают всё. Если у тебя есть деньги – значит, есть и положение, и вес в обществе. А если нет – то ты никто. Хотя, чем я хуже этих старых козлов, – сделал выводы Полянский.

– Да не обращай внимания. Разве можно так переживать из-за этих шлюх, – попытался успокоить его Суматохин.

– Всё равно обидно, – окончательно впал в меланхолию Полянский.

Возникло на несколько минут молчание. Каждый погрузился в свои мысли.

– Слушайте. Я вот о чём подумал, – Дмитрий неожиданно встал со скамейки, повернулся к друзьям и активно жестикулируя руками начал свой монолог. – А кто мешает нам заработать денег, получить вес в обществе, а? Чем мы хуже этих козлов? Мы что, тупее их что ли? Нет.

– Наверное тупее – раз оказались в таком положении, – сказал Суматохин.

– Нет. Не в этом дело, – продолжал Дмитрий.

– А в чем? – спросил Суматохин.

– А в том, что нет у нас цели. ЦЕЛИ, – и Дмитрий многозначительно показал указательным пальцем вверх. – ЦЕЛИ!

Суматохин и Полянский не понимали, к чему клонит их друг, они думали, что он просто пьян и поэтому несет всякую ахинею.

– Вы понимаете, о чём я вам говорю? – всё не мог успокоиться Дмитрий.

Суматохин и Полянский положительно закивали головами; но на самом деле, конечно, так ничего толком и не поняли, просто им хотелось, чтобы их друг поскорее отвязался от них.

– Наконец-то доперли, – обрадовался Дмитрий. – Тогда сделаем вот что: давайте поклянемся, что приложим все усилия, чтобы добиться главной цели в жизни.

– Это как? – спросил удивленный Суматохин.

– А вот так: повторяй за мной. Я, гражданин Российской Федерации, Олег Суматохин, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь.

– Это что еще за детский сад? – воспротивился поначалу Суматохин.

– Давай повторяй, а не перебивай.

И Суматохин повторил не так торжественно, как подобало, с некоторой иронией в голосе и вяловато.

– Клянусь приложить все свои способности, таланты, волю и характер, чтобы стать в этой жизни «человеком с большой буквы», чего бы мне это ни стоило. Сделать всё, чтобы не быть лохом. И если я не добьюсь этого, пускай мои друзья отрекутся от меня и никогда не подадут мне руки, и я не буду ничего иметь против этого, – продиктовал Дмитрий.

Суматохин повторил слово в слово уже с некоторым волнением. Последние слова ему не очень понравились и несколько насторожили.

Потом свою клятву произнес Полянский, а после него и сам зачинщик этой идеи – Дмитрий.

– Слушай, Димон, а как мы определим: кто добился своей цели, а кто нет? И сколько времени для этого требуется? – резонно заметил Суматохин.

– Хороший вопрос, – согласился Дмитрий. – Сделаем вот как. Через десять лет встретимся и посмотрим: из кого, что получилось, заодно и отметим юбилей нашей клятвы.

Тогда ещё они были очень молоды и самоуверенны. И никто из них не сомневался, что обязательно найдет своё место в жизни. Они тогда еще даже не предполагали, что жизненные пути их разойдутся раньше, чем пролетят эти десять лет. Через год Дмитрий решил поменять место учебы и поступил в театральный, после чего уже почти не видел старых друзей, лишь изредка напоминая о себе телефонными звонками. После окончания института ушел с головой в большой бизнес Полянский, его привлёк к себе дядя, работающий в то время в команде одного известного олигарха. После чего у него появилась целая масса новых знакомых и партнеров, с которыми приходилось проводить почти всё время, так что и Суматохин и Дмитрий, как бы сами собой выпали из обоймы его близких друзей.

«Эх, Димон, Димон, не изменился ты совсем», – подумал Суматохин, вспомнив о клятве. Он даже не задумывался о её сути, считая всё это пустым делом.

Больше его беспокоило, как собрать более-менее приличный стол, чтобы «не обидеть» гостей. В заначке и в кошельке, всё вместе, у него осталось сто пятьдесят долларов.

Глава 3

Когда он уже одевался, чтобы совершить рейд по ближайшим магазинам, в квартиру позвонили. Суматохин открыл дверь. Это пришёл Ванилин со своей новой подругой.

Ванилин в квартире Суматохина чувствовал себя как дома, поэтому представив свою спутницу: «Лена», сразу же начал быстро раздеваться и помогать делать то же Елене.

Раздевшись, Ванилин оказался в белой полурасстегнутой рубашке с длинным рукавом и плотно обтягивающих его толстые ляжки черных кожаных штанах. Девушка же была одета в сиреневую водолазку и джинсы. Она была худа и обладала самой простой внешностью: не отталкивающей и в то же время не особо привлекательной.

По внешнему виду приятеля Суматохин догадался, что тот из ночного клуба, где видимо и выцепил Елену. Опытным взглядом Суматохин сразу же определил его спутницу, как мало-летку, приехавшую из провинции в Москву искать приключения на свое мягкое место и находившуюся в последнее время в поиске какого-нибудь лоха, у которого можно было бы зависнуть подольше без тяжелых для себя последствий. Суматохин считал, что у таких особ, как правило, одинаковое продолжение биографии – не очень счастливое, и ему немного стало жаль ее.

Суматохин рассказал Ванилину, за чем и для чего собирался идти в магазин. На что заинтересованный Ванилин сказал:

– Ничего, если я поучаствую тоже на вашем празднике? Не обидишься? Дмитрий Хватов говоришь? Знаю я такого артиста.

Суматохин посмотрел на приятеля, прежде чем ответить. Ему показалось, что его внешний, да и социальный статус не очень-то будет соответствовать обстановке. Но отказать товарищу он был не в силах и поэтому ответил положительно. Ванилин же в свою очередь предложил Суматохину не ходить по магазинам, а сделать заказ по телефону. Эта идея понравилась хозяину, и он не преминул ею воспользоваться.

Ванилин прошел со своей спутницей в большую комнату, врубил музыкальный центр, чуть ли не на всю мощь, и начал танцевать. Звучала мелодия в стиле техно, Лена пыталась, как могла изображать что-то похожее на танец Ванилина, но это у нее не очень хорошо получалось. Ванилин старался двигаться ритмично, резко.

– А вот это движение ты видел? – обратился он к Суматохину, изобразив нечто похожее на одновременное конвульсивное содрогание туловища и таза.

Суматохин отрицательно помотал головой.

– Давай, давай, давай, давай, – выкрикивал Ванилин, распаяя себя и партнершу.

В итоге танца Ванилин приблизился к Лене и теперь уже двигался, находясь к ней лицом к лицу. Потом подхватил её, взяв за руки, посадил к себе на бедро и таким образом начал ритмично то поднимать вверх, то опускать вниз, изображая, видимо, тем самым нечто сексуальное. Лена заухала и не сопротивлялась, а Ванилин рычал как медведь, пока резко не скинул партнершу на пол и не освободил её, после чего огласил комнату диким воплем Тарзана, обозначив тем самым конец танца. Лена, переводя дух от усталости, плюхнулась в кресло.

– Слушай, Олег, у тебя есть что-нибудь выпить? – обратился к Суматохину Ванилин.

– Что, уже не можешь потерпеть до вечера? – спросил Суматохин.

– Я не это имею в виду: сок или минералка.

– А, пойдём на кухню, посмотрим.

Они вышли на кухню. Суматохин достал из холодильника открытый пакет сока и протянул другу. Ванилин сделал большой глоток.

– Как уже? – спросил Суматохин, изобразив неприличный жест, хлопнув ладонью по кулаку, намекая на отношения товарища с его спутницей.

– Нет ещё. Как видишь, разогреваю только.

Суматохин был из той породы людей, для которых собственный дом был всегда открыт для друзей и их частое появление в нем совсем его не напрягало, а скорее напротив: как ни странно успокаивало. В такой атмосфере шума, в некоторой степени даже хаоса, разговоров ни о чём за бутылочкой коньяка до самого утра, он чувствовал себя как рыба в воде.

С Ванилином Суматохин познакомился около года назад, в одном из ночных клубов Москвы. Сошлись они на почве общих интересов: любви к праздному образу жизни, ненависти к рутине и постоянному поиску, к чему приложить неуёмную, бьющую через край энергию. Ванилин работал распространителем, о чём знали лишь самые близкие друзья, в том числе Суматохин. Для всех остальных он был просто свободный художник или на худой конец дилер или маклер. В своем родном Можайске он появлялся в исключительных ситуациях, большее время проводя в Москве в компаниях друзей и в ночных клубах. Его совсем не обижало прозвище Ванилин, по паспорту он являлся Иваном Сыровым. В тусовках, где они крутились, некоторые их знакомые обладали еще менее привлекательными погонялами, такими как Глист, Манкурт, Запах и Лопух, и никто из них сильно не переживал по этому поводу.

Ванилин вернулся в комнату, снова включил музыку. Зазвонил телефон. Суматохин снял трубку в прихожей. Звонил Тихомиров. Суматохин шестым чувством понял, что произошло что-то неладное.

– Олег, у нас тут двое из налоговой, – обрадовал с лёту Тихомиров.

– Что они хотят? – спросил Суматохин.

– Как обычно – денег.

– Черт бы их побрал. Слушай, по-моему мы не так давно заплатили им на месяц вперед?

– Точно. Только у них недавно поменялось начальство. И теперь они обещают опечатать здесь всё, если вопрос не решится в ближайшие полчаса.

– Сволочи. Сколько они хотят?

– Пять.

– Сотен?

– Да.

– Ничего не остаётся, как взять из резервов. Возьми из сейфа.

– В том то всё и дело, что резервов практически не осталось.

– Как? Совсем?

– Остались две сотни. В последнее время заказов почти не было. Поэтому и сидим сейчас на мели.

– Что же теперь делать?

– Олег, может быть ты приедешь? Я с таким трудом вырвался из лап этих кровососов. Девчонки там одни держат круговую оборону. Даже не знаю, сколько мы сможем продержаться.

У Тихомирова был такой жалобный голос, что трудно было не поверить, что положение действительно плачевно.

– Ладно, собираюсь. Ждите, тяните время. Постараюсь побыстрее подскочить, – сказал Суматохин, после чего положил трубку.

Но одеваться Суматохин не торопился. Такое с ним часто бывало, когда нужно было принять быстрое решение: он всегда пребывал в некотором замешательстве. Он бессмысленно бродил из кухни в прихожую, потом обратно; в комнату он не заходил: шум от музыкального центра и криков Ванилина и Лены мешал ему сосредоточиться. Наконец ему удалось «выбросить» из головы все лишние мысли и отвлечься от происходящего вокруг. Для начала он мысленно произвёл расчёт всех наличных средств, какими он мог располагать и ужаснулся. Двести долларов в офисе и сто пятьдесят при себе, и это при том, что он уже заказал по телефону еду и выпивку, за которые следовало заплатить. Такого поворота событий он не ожидал. Нужно было срочно найти где-нибудь долларов триста, не меньше. Суматохин лихорадочно стал пере-

бирать в голове все возможные варианты поиска денег. Ванилин: слишком унижительно у него просить, да и вряд ли у него есть деньги. Ждать Нору: тогда перед ней придётся во многом сознаться и неизвестно, как она на всё это будет реагировать. Гриб: уехал в Испанию. Продать что-нибудь или сдать в ломбард: но что? Машину? Или Норины украшения? И как она на это посмотрит? Нужно было решать быстро, иначе Тихомиров мог снова позвонить в любой момент.

Медленно, нерешительно Суматохин вошел в комнату, чтобы поговорить с Ванилином. Тот всю зашёлся в энергичном танце, не отставала от него и его спутница. Суматохин хотел жестом предложить Ванилину выйти с ним и начал поднимать руку. Но Ванилин опередил его.

– Олечка, узнаёшь нашу любимую. Давай иди к нам. Отдыхаем! – закричал ему в лицо Ванилин и обнял ладонью за шею его и Лену, те сделали по инерции тоже, таким образом, они образовали танцующий кружок.

– Давай, подпевай, – крикнул Ванилин.

– Деревья помнят меня маленьким мальчиком... Не прошу у Бога ничего, – заревел он.

Лена тоже слабенько начала подпевать ему.

Суматохин проклинал себя. За то, что сейчас танцует тут, как идиот, вместо того, чтобы ехать спасти свой бизнес. За то, что не может найти правильного решения. За то, что довёл дело до точки. Поэтому сначала он, свесив голову, пряча глаза, стараясь не открыть своего состояния, молча передвигался вместе с Леной и Ванилином. Но потом одна неожиданная мысль резко изменила его поведение: «А почему я собственно так напрягаюсь – может быть это мой последний танец, моя последняя песня, чего мне теперь бояться?». И Суматохин завёлся. Ещё три раза они прогнали одну и ту же мелодию, оттанцевав, обнявшись в дружный кружок. А под самый конец Суматохин и Ванилин дружно сорвали с себя рубашки под собственные дикие вопли и свист.

– О-е, это круто! – воскликнула Лена и захлопала в ладоши.

– Гулять, так гулять! – воскликнул запыхавшийся Суматохин. – Ванилин, будь другом, достань бутылочку коньяка из холодильника и бокалы захвати...

– За нашу дружбу, – объявил тост Ванилин.

Суматохин решил всё-таки прозондировать друга насчёт денег и предложил ему пойти с ним перекурить на кухню.

– Штука найдется, – ответил Ванилин, пуская дым от сигареты в открытую форточку.

– Конечно не зелени?

– Само собой. А сколько тебе нужно?

– Триста или двести хотя бы.

– Что, очень срочно?

– Да, желательно.

– Жалко Гриб уехал. Если хочешь, я обзвоню знакомых, – предложил Ванилин и достал из чехла, прикрепленного к ремню, сотовый телефон.

– Не надо... А впрочем попробуй. Зачем тебе сотовый? Можешь обычным пользоваться.

– Да нет, я просто хотел пролистать записную книжку. Ага вот..., – и Ванилин, найдя нужный номер направился в прихожую к аппарату. Но не успел он к нему подойти, как тот огласил квартиру настойчивым противным сигналом. Ванилин остановился и обернулся:

– Тебя наверное Олег.

Суматохин замер и до него не сразу дошли слова друга.

– Ах да. Наверное, это точно меня. Знаешь что, Иван, будь другом возьми трубку и скажи, что я уже уехал, – попросил, пришедший в себя Суматохин.

Ванилин исполнил просьбу друга.

– Кто звонил, мужик? – спросил Суматохин.

– Да.

- Значит Тихомиров.
- Проблемы? – с сочувствием в голосе спросил Ванилин.
- Да, «гемор»* с агентством.
- Рэкет?
- Хуже – налоговая.
- И сколько же они хотят?

В кругу друзей Суматохина такие вопросы задавать считалось вполне приемлемым. Поэтому Суматохин задумался, как ответить: сказать правду или соврать?

– Косарь, даже два, – ему показалось, что если он скажет правду, то будет выглядеть не солидно: предприниматель и не может найти смешной суммы.

- Да, ты попал. Хотя три сотни можно найти, я думаю, – оценил ситуацию Ванилин. Потом после небольшой паузы добавил:

- Что они совсем оборзели что ли! Два косаря! Может на них в РУБОП заявить?
- Нельзя – они хотят опечатать всё.
- Вот черти. Всё равно много. Ты что, может быть задолжал им?
- Просто у них начальство поменялось недавно.
- То же нашелся повод.

В это время послышалась трель телефона.

- Твой? – спросил Суматохин, имея в виду сотовый Ванилина.
- Нет, скорее всего твой.
- Точно мой, – сказал Суматохин, узнав родную мелодию.

Суматохин прошел в комнату за телефоном. Лена листала, сидя в кресле, толстый иллюстрированный журнал. По определителю номера Суматохин определил, что звонит Тихомиров из агентства, и отключив телефон, убрал его в ящик комода.

– Чёрт бы их всех побрал, – выругался вслух Суматохин и стал ходить по комнате взад и вперед, что-то бурча себе под нос. Пока в какой-то момент не передёрнулся нервно и не замер. Это скрежет дверного замка заставил его испугаться не на жизнь, а на смерть.

- Фу, это всего лишь жена, – он сделал выдох облегчения и пошел встречать супругу.

Элеонора, едва переступив порог, решила осчастливить мужа радостной новостью:

– Лапуль, ты не поверишь – я нашла то, что нам нужно: четырёхзвездочный отель на берегу Эгейского моря, и ты знаешь, что мне сказали в турагентстве? Полторы тысячи, а то и тысяча на двоих, вот так, – и она провела по воздуху своим тоненьким указательным пальчиком перед шеей, потом обняла мужа за шею и поцеловала его в щеку.

Суматохин помог жене снять пальто. Элеонора присела на пуфик и сняла сапоги. Потом подошла к зеркалу, аккуратно пальчиками поправила причёску и её взгляд непроизвольно наткнулся на одежду Ванилина, висевшую на вешалке. Это обстоятельство заставило её измениться в лице не в лучшую сторону. Она давно уже не переваривала этого человека. Наверное, с первого дня, когда он переступил порог этой квартиры.

- Кто это? – спросила Элеонора, обернувшись к Суматохину.
- Ну, кто еще может быть у нас? Иван конечно.

Элеоноре и так уже было всё понятно. Раз играет музыкальный центр, значит это Ванилин, так как Суматохин слушал музыку, как правило, в наушниках, а сама Элеонора не переваривала даже радио.

– Надеюсь, что сегодня дело обойдётся без ночевки? – спросила Элеонора, имея в виду Ванилина, но уже не таким грозным тоном, всё-таки она уже вся была в предвосхищении поездки в Турцию.

Элеонора прошла в комнату. Ванилин танцевал медляк с Леной. Элеонора поздоровалась со всеми, Ванилин и Лена тоже поздоровались с ней. После чего Ванилин познакомил женщин друг с другом. Искренняя улыбка радости сияла на Элином лице, ей хотелось поделиться еще

с кем-нибудь радостной новостью кроме мужа, но Ванилина и Лену, она сочла неподходящими для этого. Ванилин хотел о чём-то ее спросить, но Суматохин увёл ее на кухню для «серьезного разговора».

Сначала он рассказал о гостях, которые должны были приехать.

– Как, ты знаком с Хватовым и ничего мне не рассказывал?! (о Полянском она не знала, поскольку не интересовалась политикой) – восторженно зашептала Элеонора, и обняв, поцеловала мужа в щеку.

– Но это еще не всё – есть ещё и плохие новости. Мне нужны деньги, – собравшись духом, сказал Суматохин.

– Какие деньги? – как ни странно Элеонора оставалась еще невозмутима.

– Триста долларов.

Элеонора коротко посмеялась и закурила сигарету.

– Я не понимаю, я то здесь причем? – всё еще невозмутимо спросила она.

– Ну, как. Ведь ты же недавно брала у отца деньги... Если хочешь, я тебе верну их, когда «отобью»...

– Я не понимаю, что происходит? – Эля потихоньку начала терять самообладание и впадать в истерику. Она сделала мощный затяг в полсигареты и продолжила: – Причём здесь мой отец? Ты что молчишь? Отвечай. У тебя что, нет трёхсот долларов? Что случилось? Говори.

Последние слова она уже не говорила, а кричала.

– Налоговая наехала на агентство, – стараясь оставаться спокойным, ответил Суматохин.

– Ну и что? У тебя что, нет трёх сотен? Ты что, дурак что ли совсем?

– Не кричи – люди могут услышать.

– Пусть слышат...

– Им не триста надо, а больше.

– Сколько больше?! Ну, отвечай.

– Две штуки.

– Ты иди, ври своему Ванилину, только не мне!

– Правда.

– Если это правда, тогда я иду звонить в милицию.

– Постой. Понимаешь – они хотят арестовать документацию. Если я сейчас не привезу деньги, меня посадят. Ты что, хочешь, чтобы меня посадили?

Эля затушила уже вторую сигарету подряд в пепельницу, и сев на стул, закрыла ладонями лицо и запричитала:

– Господи, за что мне всё это? За что?!

Суматохин опустил перед ней на колени.

– Нор, выручи, я тебя когда-нибудь просил разве? Я всё верну, только рассчитаюсь с этими бандитами. И в Турцию обязательно поедем.

– Где я тебе деньги возьму? Нет у меня денег.

– Как, но ты же недавно, неделю назад наверно? У отца?...

– Что у отца? – перебила Эля. – Что взяла, того уж нет.

– Как? На что ты успела их потратить? – недоумевал Суматохин.

– А ты совсем не замечаешь? Ты что совсем не видишь или только притворяешься? Не видел что ли: что у меня причёска новая, что я наконец купила новую дубленку?

– Конечно видел. Но неужели у тебя ничего не осталось? А на что же ты собиралась ёпокупать?

– Путёвки покупать будешь ты! И я не понимаю, Олег, где твои деньги? Ты же у нас как-никак бизнесмен, а не какой-нибудь там...

– Ладно. Давай сделаем так: дай мне, пожалуйста, триста долларов, а вечером я тебе их отдам.

– Ты что Суматохин, дурак?! Ты, что не понимаешь, что у меня нет денег?! – Элеонора опять сорвалась на крик, потом поднялась со стула, Суматохин тоже встал.

На кухню вбежал Ванилин, и обнимая супругов, обратился к ним:

– Ребята, ну что вы в самом деле. Хватит вам ругаться.

Элеонора резким движением руки сняла руку Ванилина со своей шеи, отошла от них в сторону и отвернулась.

Кто-то позвонил в дверь.

– Иди открывай, твои гости наверное, – злобно обратилась к супругу Элеонора.

– Что-то рановато, – сказал Суматохин и пошел открывать.

Глава 4

Он не стал смотреть в глазок и открыл дверь сразу, резко. Перед ним предстал неизвестный молодой человек в длинном чёрном плаще и шляпе.

– Позвольте я пройду, – решительно начал неизвестный.

– Простите, с кем имею честь? – также решительно остановил его Суматохин, заслонив проход в квартиру всей своей высокой и широкой фигурой.

– Ну что ж, Михаил Анатольевич Каштанов, – незнакомец снял шляпу и слегка поклонился.

– Извините, но вы скорее всего ошиблись квартирой.

– Вы должно быть Олег Никитич Суматохин?

– Да, а что? – решительность в голосе Суматохина исчезла.

– Тогда я к вам.

Слишком самоуверенное поведение незваного гостя, заставило Суматохина понервничать, и он с минуту простоял, как вкопанный, не зная как действовать дальше: то ли пропустить незнакомца, то ли сделать что-то ещё.

– Простите, а Вы по какому вопросу? Зачем я вам понадобился? – на последних словах голос Суматохина дрогнул и он начал теряться еще больше.

– По очень серьезному. Очень! – Каштанов подался немного вперёд, давая тем самым понять, что он не шутит.

Но Суматохин не поддался на это, и сам немного выпятил грудь вперед и левой рукой уперся в косяк, преграждая путь Каштанову.

– Неплохо было бы сначала объяснить цель вашего визита, а потом уже нагло вторгаться в чужой дом, – сказал Суматохин.

Каштанов встал на прежнее место.

– Я от Бориса Васильевича Шпагина. Надеюсь, вам это имя о чём-нибудь говорит? – сказал он.

Это имя говорило Суматохину о многом. О многом очень неприятном для него. Ему стало по-настоящему страшно, и он не смог найти, что ответить.

– Можно я теперь всё-таки пройду, – улучив момент крайней растерянности хозяина квартиры, гость продолжал напирать на него.

– А, конечно, конечно, – Суматохин освободил Каштанову проход.

Каштанов прошел, снял плащ, повесил его на вешалку, обернулся к зеркалу, достал из кармана расческу и начал причёсываться. На вид ему было лет двадцать пять не больше. Его темные короткие волосы были тщательно зализаны на бок. Узкие, маленькие, почти как у китайца, его глаза излучали большое чувство собственного достоинства и самоуверенность на правильном белом овале лица. Нос у него был тонок, с широкими крыльями, рот представлял собой две тоненькие розовые полоски. Суматохин сразу почувствовал шестым чувством, что этот человек чужой: он сделан из другого теста и пришел из другого мира. Каштанов был одет в рубашку цвета индиго, черный стильный галстук и широкие брюки.

В прихожую из кухни вышла Элеонора. Каштанов обратился в ее сторону:

– Михаил Анатольевич Каштанов, – быстро представил гостя, стоящий позади него Суматохин.

– Очень приятно, Элеонора, – представилась жена Суматохина и сделала что-то вроде книксена.

После представления гостю на её лице мелькнула игривая улыбка.

Каштанов уставился на неё каким-то странным растерянным взглядом. Потом быстро вспомнил, засунул расческу в карман рубашки, взял руку Элеоноры и поцеловал её.

– Мне тоже очень приятно. Очень. Вы знаете, я раньше думал, что такие женщины бывают только на обложках дорогих журналов. Хотя нет, к чему я сравниваю, Вы намного лучше, – выдал неожиданно Каштанов.

Элеонора не знала, как правильно отреагировать на такую внезапную лесть, и снова лишь игриво улыбнулась.

– Давайте обсудим наши дела на кухне, – обратился к Каштанову Суматохин, которому надоело наблюдать за этим непонятным любезничанием между ним и его женой.

– Дорогая, нам с молодым человеком надо кое-что обсудить с глазу на глаз, где-то с полчаса, и не плохо было бы, если нас никто не будет беспокоить. Хорошо? – обратился Суматохин теперь к жене, увлекая гостя на кухню.

Элеонора измерила мужа самым презрительным взглядом, и ничего не ответив, отвернулась и ушла в комнату. Муж вызывал теперь у неё исключительно отрицательные эмоции.

– Водку? Коньяк? – предложил он гостю.

– Нет, спасибо.

– Что так?

Каштанов посмотрел на Суматохина своим странным невозмутимым взглядом, посмотрел ему в глаза и сказал:

– Я спиртное не употребляю. Спиртное – это для слабых людей.

– Суматохин бегло посмотрел на гостя. «Да, с ним мне будет тяжело договориться о чём-нибудь», – подумал он.

– А я выпью, – сказал он вслух, достал из холодильника бутылку коньяку, немного отпил из горлышка и убрал бутылку обратно в холодильник.

– Да вы не мельтешите так, что вы всё крутитесь, как будто не можете устоять на одном месте. Садитесь же, – сказал Каштанов.

– Я не кручусь вовсе, – неуверенно промямлил Суматохин. Его бесил наглый тон гостя, который был моложе его лет на пять, если не больше.

Суматохину показалось, что Каштанов всем своим поведением дает понять ему, что он находится в зависимом положении и ему не имеет никакого смысла диктовать свои правила.

– Вот так-то лучше. Не люблю суеты, – сказал Каштанов, одобряя то, что Суматохин наконец сел напротив него.

– Кстати, а кем вы приходите по отношению к Борису Васильевичу, если не секрет? – спросил после некоторой паузы Суматохин.

– Извините, что сразу не сказал. Я его племянник, – сказал Каштанов. Потом добавил: – По маме.

– Зачем такие подробности?

Всякий раз, оказываясь в сложных ситуациях, несмотря на некоторую пассивность, Суматохин становился очень чутким ко всему происходящему вокруг. Поэтому, когда Каштанов поведал ему о своем отношении к Борису Васильевичу, Суматохин тут же уловил некоторое потепление в его голосе. «А ты оказывается братец не так уж и грозен – каким хочешь показаться», – с тщательно скрываемым самодовольством подумал Суматохин. «И с тобой мы еще вполне можем поладить».

– Ну что будем делать, Олег Никитич?

– Я не знаю, чем я вам могу помочь?

– Пожалуйста, не прикидывайтесь дураком. Вы далеко не дурак. Обмануть такого умного человека, как мой дядя – это еще надо суметь, это не каждый сможет.

– Зачем же так? Почему обмануть?

– А что разве не так?

– Конечно, нет.

– Ну, хорошо. Объясните мне, что случилось?

– Конечно, я поступил как свинья. К сожалению, я не помню, сколько прошло времени с момента нашей последней встречи с Борисом Васильевичем, полмесяца, а может быть месяц.

– Почти два месяца, – уточнил Каштанов.

– Господи, какой кошмар – два месяца! Если бы вы знали, как мне стыдно. Честное слово я не знаю, что мне делать? – и Суматохин отвернул голову в сторону, чтобы не смотреть в глаза собеседнику.

– Вы хотели объяснить, что произошло?

– Я рассчитывал отдать большую часть тех денег, что брал у вашего дяди уже в этом месяце. Но произошло страшное. Норин папа тяжело заболел, и понадобились деньги на его лечение, много денег. В результате мы с женой потратили почти все свои сбережения. Не поверите, но я очень переживал из-за всего этого. В страшном сне я не мог себе представить, что окажусь в такой ситуации. Я много думал: как мне быть? И я решил, чтобы не оправдываться, когда человек оправдывается, он всегда подпадает под подозрение, сразу накопить всю сумму, которую должен или на худой конец большую часть и принести Борису Васильевичу. Таким образом, мне было бы не так стыдно перед ним. И Борис Васильевич, я думаю, простил бы меня. Жаль, что получилось, что вы как бы первый нашли меня и поставили меня в такое положение. Такое положение, даже не знаю, как его назвать, не честного человека что ли.

– По-моему вы сами себя поставили в такое положение.

– Да, вы правы. Но поверьте, если бы вы не появились сегодня, я бы самое большое недели через две, сам дал бы о себе знать Борису Васильевичу.

– Эх, вашими бы устами...

– Понимаю, мне трудно сейчас поверить. Но хотите верьте, хотите нет, можете спросить у моих друзей, всё, что я когда-либо брал в долг, я всегда возвращал.

– Очень надеюсь на это. Очень.

– Можете передать Борису Васильевичу, что деньги ему я верну в самое ближайшее время. Конечно, всё сразу не смогу, сами понимаете в связи с болезнью отца жены, мы оказались в затруднительной ситуации, но половину как минимум...

– Кстати, что сейчас со здоровьем папы?

– Какого папы?

– Я имел виду здоровье вашего тестя.

– А, сейчас ему значительно лучше. Самое страшное уже позади.

– Прекрасно. Только я не очень понял: как вы хотите разрешить вопрос?

– Просто передайте Борису Васильевичу от меня: во-первых, тысячу извинений, а во-вторых, что через неделю, максимум через две я привезу деньги.

– Вы знаете: я может быть и последовал бы вашему совету, если бы не одно но, дело в том, что мне пришлось произвести расследование, чтобы найти вас. И неужели вы не догадываетесь, что занимаясь вашими поисками, мне удалось кое-что узнать о вашем характере, о том какой вы хитрый и нечистоплотный человек. И после всего этого вы думаете, я смогу вам верить.

– Господи, какое расследование? – Суматохин изобразил на своем лице искреннее удивление.

– Ах, артист. Вы очень талантливый артист. В этом я убедился. А теперь слушайте о расследовании. Мало кто в наше время даёт деньги в долг без оформления соответствующих документов. К сожалению, мой добрый дядя принадлежит к этому малому числу людей, верящих в лучшие качества окружающих, чем вы ловко не преминули воспользоваться. Здесь, конечно, и дядя мой кое в чём виноват, когда держится за свой авторитет. Не то сейчас время, не то. А вы. Всё-таки ловко просчитали, что мой дядя из того типа людей, которые могут дать денег, не взяв расписки. Наверно, имеете опыт? Познакомились вы с моим дядей на банкете, на котором вы оказались совершенно случайно, там-то вы и умудрились как-то завязать ваши отношения. Потом выяснилось, что у вас имеются общие интересы, а точнее, страсть к классиче-

ской музыке, и вы принялись иногда вместе посещать консерваторию, а после посещений долго и горячо обсуждали услышанное. Скорее всего вы не бум-бум в классике, нахватались специально по случаю верхушек, но роль свою сыграли отменно. Потом, спустя некоторое время, когда вы попросили у Бориса Васильевича пять тысяч долларов, якобы «для поправки дел», тот выдал их вам, не раздумывая, поскольку успел к этому времени проникнуться к вам самыми глубокими чувствами. А вы так жестоко провели его! Впрочем, вернёмся к расследованию. Когда вы пропали из поля зрения моего дяди, номер вашего сотового телефона был единственной ниточкой, по которой можно было вас отыскать. Но вы то как раз полагали, что все ниточки оборваны, ведь этот телефон вы купили у какого-то несчастного наркомана. Но я, представьте себе, умудрился найти этого наркомана. Как? Оказывается наши сотрудники милиции умеют неплохо работать, если их хорошо простимулировать. Мне потребовалось заплатить пятьсот долларов одному оперативнику, из того района, где была совершена кража телефона; после чего он собрал несколько наркоманов из этой округи, запер их в камере, и подразнив дозой сказал, что они получают её только после того, как признаются или выдадут вора, укравшего тот телефон. Ребята решили не мучиться и выдали товарища. Этот товарищ продал вам телефон в кафе. Я нашёл это кафе. Барменша вспомнила вас по мной описанным приметам, но не могла назвать ни вашего имени, ни каких-либо иных важных данных, зато вспомнила, что с вами в тот день поздоровался некий автослесарь Костя. Я нашёл Костю. Костя сказал, что ремонтировал как-то вашу машину, но даже марки её не помнит. Он вообще мало, что о вас помнил. Я попросил его хорошенько подумать, и надо же, он выдал мне важную зацепку, он вспомнил, как вы общались с неким Макаровым, постоянным клиентом Кости, и как будто вы были с ним знакомы. Я встретился с Макаровым, пообщался с этим словоохотливым господином. Он мне сообщил, что работал некоторое время с вами в одном здании, вы соседствовали офисами. Вы перестали арендовать там помещение года два с лишним назад, Макаров годом позже. Я помчался в это здание, это был какой-то научно-исследовательский институт. Там, посулив женщинам секретарям, незначительную денежную награду, я вскоре получил некоторые документы с вашими паспортными данными, подписью, в общем, это был финиш. Кстати, мне пришлось израсходоваться на ваш поиск и деньгами и временем. Так что придётся прибавить к вашему долгу ещё семьсот долларов... Бедный дядя, он же ведь до конца не был уверен в вашей злонамеренности, предполагал, что с вами могло случиться что-нибудь экстраординарное. Что с ним будет, когда я ему расскажу о результатах расследования? Как видите, берегу я его.

– Это какая-то ошибка, недоразумение. Я не хотел никого вводить в заблуждение. Мерзко конечно получилось. Сам не могу понять, как я мог забыть об этом важном деле, – оправдывался Суматохин.

– Можете напрасно не оправдываться. На моё мнение о вас это уже никак не повлияет.

– Но зачем же так?

– Зачем? А как по-вашему я должен к вам относиться? Любезничать с негодяями – это не по мне.

«Как говорит, как говорит, – подумал Суматохин. – Как со сцены. Странная манера. Очень он многое о себе думает».

– Не суди и не судимым будешь, – сказал вслух, в своё оправдание, Суматохин.

– Только не надо о морали, о принципах. Нет у тебя, Суматохин, ничего святого, нет у тебя никаких принципов. Я тебя всего насквозь изучил. Что ты так на меня смотришь? Ударить хочешь? Давай, вперёд, быстрее под суд пойдешь, быстрее тебя выведут на чистую воду.

Этот резкий переход на «ты» вызвал в душе Суматохина бурю ненависти. Он с дикой отчаянной злобой посмотрел на Каштанова. Но его взгляд разбился об холодный, колючий, излучающий нечеловеческую силу взгляд серых глаз Каштанова. Суматохин нервно мотнул головой, вздрогнул и опустил голову, спрятав лицо в сложенные перед собой на столе руки.

Это проявление слабости Суматохина окрылило Каштанова и он, встав со стула, прошёл по кухне к окну, с самым торжественным видом на лице. «Жаль, что дядя не может видеть, как я хорош в этот момент. Если бы он сейчас меня увидел, он бы гордился мной», – подумал Каштанов. С минуту постояв у окна, посмотрев в него без всякого смысла, он обернулся и подошел к Суматохину, взялся ладонью за его плечо и слегка потрепал.

– Вот так, Суматохин. Надеюсь, теперь ты понимаешь, что ты весь в моих руках? Весь!

Суматохин молчал, оставаясь в том же положении.

– Что молчишь? Что поник головой? Довела жизнь? Нет – это не жизнь тебя довела: это ты сам доигрался. Красивой жизни захотелось? Что ж имеешь право. Только не за счет таких людей, как мой дядя. Запомни это. Такие люди обид не прощают.

Каштанову доставляло удовольствие глумиться над Суматохиным, морально добивать его, но не потому что он был таким жестоким: просто такие люди, как Суматохин, в его системе ценностей занимали низшие места. Таких людей он определял как неправильных, бессмысленных, нарушающих гармонию жизни. Он считал, что такие люди способны только на то, чтобы повсюду сеять хаос, смуту, неурядицы, и не способны совершенно ни к чему созидательному. И таких людей, по его мнению, нужно или воспитывать или наказывать. Перевоспитать Суматохина было на его взгляд делом не реальным из-за его возраста. «Дожить до тридцати и не набраться ума – это тяжелый случай, очень тяжелый», – подумал Каштанов.

– Что же мне с тобой делать? – произнес вслух Каштанов.

Суматохин не реагировал.

– Кстати, а жена твоя знает о твоих подвигах? Что молчишь?

Суматохин по-прежнему никак не реагировал.

– Молчи, молчи. А мне кажется, что её тоже не мешало бы привлечь к обсуждению твоей проблемы. Всё-таки не чужой человек. Может с ней мне быстрее удастся найти общий язык.

Суматохин поднял голову, распрямил спину.

– Не надо, – отрезал он.

– Что значит не надо? – спросил Каштанов.

– Я просто хотел сказать, что мы сами договоримся, без посторонних.

– Вот так-то лучше.

– Что вы хотите?

– Сейчас объясню. Принеси лист бумаги и ручку.

– Зачем?

– В твоём положении лучше не задавать лишних вопросов.

Суматохин вышел из кухни, потом вернулся, держа в одной руке тетрадный лист в клеточку, в другой шариковую ручку.

– Что, лучше листа не нашел? – обратился к нему Каштанов.

Суматохин пожал плечами.

– Ладно, садись, – повелительно сказал Каштанов. – Сейчас будешь писать расписку. Суматохин задумался.

– Начинай. И вот еще что: условия кредита изменились, из-за твоего поведения. Теперь будешь отдавать так: по тысяче долларов каждый месяц, первый взнос через неделю, каждый месяц будут набегать пять процентов, в случае же опоздания вместо пяти – двадцать процентов. По-моему шикарные условия, – и Каштанов немного посмеялся, видимо полагая, что его шутка удалась. – Вот кстати, тут написано всё по пунктам.

Каштанов достал из кармана рубашки листок, в котором условия были расписаны по пунктам, и протянул его Суматохину. Суматохин внимательно прочитал и долго продолжал ещё смотреть в этот листок.

– Что-то не нравится? – ехидно спросил Каштанов.

– Ну почему же... Есть, конечно, кое-какие моменты. Впрочем, если я весь в ваших так сказать руках – могу ли я возражать, – то ли спросил, то ли утвердил Суматохин. Он говорил это с таким серьёзным, сосредоточенным, умным видом, что можно было подумать, что он собирается подписаться под выгодной сделкой, с которой имеет шанс что-то поиметь. Это насторожило Каштанова.

– Хватит рассуждать, – сказал он. – Пиши.

– Михаил, простите, забыл как вас по батюшке...

– Не важно. Просто Михаил, – Каштанов начал нервничать.

– Хорошо Миша, я бы хотел, чтобы вы меня выслушали. Вы умный человек, вы должны понять то, что я сейчас скажу.

– Короче.

– Постараюсь. Согласитесь, что для вас самое важное получить деньги, чем быстрее, тем лучше. Ведь так? Ну, ответьте же.

– Ну, – зло ответил Каштанов.

– И какая вам будет выгода с того, что, если вы поставив меня в невыносимые условия добьетесь лишь того, что я разорюсь вконец, и в итоге не смогу вернуть этот долг?

– Что значит не сможешь вернуть? Я не понял, – Каштанов сжал кулаки и свирепо посмотрел Суматохину в глаза.

– Успокойтесь. Это я гипотетически.

– Не надо гипотетически.

– Хорошо продолжаю. Я предлагаю следующее: составить договор таким образом, чтобы и мне было возможно расплатиться без больших потерь, и вы поскорее получили бы своё.

– Не..., – Каштанов хотел прервать его, но Суматохин не дал ему этого сделать.

– И потом: мы серьезные люди, и составляем важный документ, чуть ли не на туалетной бумаге. Это я к тому говорю, что у меня есть знакомый юрист-нотариус. Он и бумаги нам поможет составить и может быть посоветует что-нибудь дельное. А?

Каштанов как-то незаметно для себя успокоился. Он с недоверием посмотрел на Суматохина. Тот ответно заискивающе с блеском надежды в глазах поглядел на Каштанова, как бы говоря: «Я понимаю, что я весь в твоих руках. И ничего не имею против этого. Я готов стать послушным. И если сделать вот так, то может быть можно будет мне сделать хоть самую маленькую скидочку».

– Какой еще юрист? – недоверчивым голосом спросил Каштанов.

– О, это хороший человек. Замечательный в своем роде.

– Я представляю, какие среди твоих друзей могут быть замечательные люди.

– О, это не совсем друг. Через этого человека я вёл всю свою документацию по бизнесу. И он никогда меня не подводил. А сколько он дал дельных советов. Это просто неоценимый человек для нашего случая.

– Считаю, что я тебе поверил.

– Вот и прекрасно, сейчас я свяжусь с ним, – и Суматохин направился из кухни к аппарату.

– Возьмёшь трубку, возвращайся сюда, – приказал Каштанов.

– Не понял, – Суматохин остановился у выхода из кухни и с недоумением посмотрел на Каштанова.

– Давай делай, что тебе говорят, и не смотри на меня так.

Суматохин покорно выполнил требование Каштанова и, вернувшись на кухню с трубкой, сел на свое место. Он несколько раз набирал номер, пока на другом конце не ответили.

– А, Володя, привет, как жив здоров? – начал он. – У меня кое-какие проблемы возникли, нужна твоя помощь.

– Какие проблемы? – услышал Суматохин изумлённый голос. – Это ты что ли Олег? Что случилось?

– Всё прекрасно. У меня сейчас один товарищ сидит. Можно сказать партнер по бизнесу. Я хотел, чтобы ты нам помог составить кое-какие бумаги.

– Какие еще бумаги? Ты что, Олег?

– Поможешь? Вот и прекрасно, я знал, что ты настоящий друг.

– Олег, ты что, не можешь открыто говорить?

– Ага, конечно, конечно.

К счастью Суматохина голос его собеседника был слышен очень слабо и рядом сидящий Каштанов не мог разобрать, что он говорит.

– Спроси, во сколько он подъедет, – приказал Суматохину Каштанов.

– Володь, во сколько сможешь приехать? – исполнил указание Суматохин.

– Могу через час, если срочно – то быстрее, – ответили на другом конце.

– Вот и хорошо. Значит через три-четыре часа. Договорились.

И Суматохин нажал на кнопку отключения связи.

– Почему так долго? – спросил недовольный Каштанов.

– Он сейчас помогает заключать сделку одному своему клиенту и будет занят ближайшие два-три часа, – объяснил Суматохин.

– Смотри, обманешь, тебе же хуже будет.

– Какой смысл мне тебя обманывать? Если я весь в твоих руках, – Суматохин решил, что настало самое время переходить на «ты». – Да, вот ещё что, у меня будет просьба, никому не говорить о наших делах. Особенно жене, знаешь у неё плохое здоровье, и если она все узнает, для нее это будет страшным ударом. И ещё, ко мне сейчас должны приехать давнишние друзья, кстати, очень интересные, влиятельные личности, и перед ними мне также не хотелось падать в грязь лицом. Поэтому я думаю, лучше всего будет, если я тебя представлю, как своего партнера по бизнесу, ведь нам еще по любому придется ждать юриста четыре часа.

– Твоё счастье, что у меня есть эти свободные четыре часа. Ведь у меня каждый день расписан по часам на две недели вперед.

– Что-то мы долго засиделись тут. Давай пройдем в комнату, там лучше всего будет дожидаться юриста, – предложил Суматохин.

Его подкупила податливость Суматохина. К тому же он был уверен, что теперь тот никуда от него не денется; и ещё ему интересно было наблюдать за этим типом, хотелось, получше его изучить.

Глава 5

Они вошли в комнату, и Суматохин познакомил Каштанова с Ванилином и Леной. Ванилина Суматохин представил, естественно, под его собственным именем, как Ивана. При их знакомстве Каштанов невольно ухмыльнулся, поразившись внешнему виду Сырова. Каштанов уселся в кресло рядом с Элей, сидевшей в соседнем кресле. Он мысленно уже начал искать подходящую тему для разговора с ней, но Ванилин-Иван набросился на него с расспросами. Больше всего его интересовали музыкальные вкусы Каштанова.

Суматохин решил воспользоваться моментом занятости Каштанова и потихоньку проскользнул в прихожую, взял трубку телефона и скрылся на кухне. Связавшись с Владимиром, он вкратце попытался объяснить ему ситуацию и попросил его, если он будет звонить снова, всячески подыгрывать ему и со всем соглашаться. В самом конце Суматохин спросил друга: не может ли тот выручить его деньгами, на что тот ответил, что сам находится в настоящее время в долгах. Суматохин вернулся в прихожую, положил трубку и, почувствовав облегчение от того, что теперь хотя бы можно будет рассчитывать на Владимира, направился в комнату, откуда доносились оживлённые споры между гостями. И только он начал входить в комнату, как за его спиной зашумел телефонный звонок. Ему не хотелось брать трубку. Но теперь, в данном положении, находясь ближе всех к телефону, ему ничего не оставалось делать, как принять звонок. Тем более ему казалось, что Каштанов внимательно будет наблюдать за ним. И Суматохин полагал, что ему следует вести себя очень осторожно, чтобы не вызывать ненужных подозрений. Сохраняя видимое спокойствие в лице и движениях, Суматохин вернулся к аппарату.

Звонил Тихомиров.

Услышав голос Суматохина, он очень растерялся, начал заикаться, никак не мог толком объяснить, что он хочет.

– Олег, ты дома?! – наконец собравшись, спросил удивлённый Тихомиров.

– Я дома, – спокойно, как будто в этом нет ничего странного, ответил Суматохин.

– Но я думал, что ты едешь к нам.

– Я ехал, но по дороге меня «перехватили», и мне пришлось вернуться домой.

Тихомиров находился в очень взволнованном состоянии. Это было заметно по голосу. Но способность здраво мыслить Тихомиров еще не потерял и не мог понять, что скрывается за туманным «перехватили».

– Как перехватили? – с нескрываемым удивлением в голосе спросил Тихомиров.

– Это очень трудно объяснить, Миш...

И Суматохин сначала очень путано, потом более ясно рассказал выдуманную по ходу разговора историю, из которой следовало, что он по пути в офис встретил какого-то товарища, с которым случилась беда (какая он так толком и не смог объяснить), разумеется, без его помощи обойтись было никак нельзя и ему пришлось куда-то ехать. А так как, то место, куда он ездил было не далеко от его дома, то он решил забежать после решения проблемы домой. А дома как назло гости: нагрянули старые друзья, которых он не видел несколько лет и бросить их так резко он никак не может, да и они сами не хотят его отпускать.

Только высказав этот вымученный, измученным от навалившихся в этот день хлопот сознанием монолог, Суматохин спросил:

– Ну, как вы там? Еще держитесь?

Эти вопросы со стороны Суматохина выглядели просто издевательскими. И Тихомиров, прежде чем ответить, перевел дух, чтобы успокоить нервы, которые находились в критическом состоянии.

– Пока держимся, но силы наши на исходе, – ответил Тихомиров. – Сейчас баррикадируемся, вот.

– Как баррикадируетесь? – настала пора занервничать Суматохина.

– Так, не пускаем их. Еле вытолкали их из помещения. Они уже собирались начать опечатывать документацию. Я до сих пор удивляюсь героизму наших девчонок. Они, эти сволочи, пытались взломать дверь. Сейчас затишье. Эти гады пригрозили, что вызовут «маски-шоу». И Иринка пошла на переговоры – охмурять их до вашего приезда. Олег Никитич, если вы сейчас не приедете, я не представляю, что здесь может произойти. Вот. Слышите! Слышите!

– Что? – не понимал Суматохин.

– Слышите крик. Это кричит Иринка. Эти гады что-то хотят с ней сделать, если ещё не сделали.

Суматохин отчетливо услышал в трубке продолжительный женский визг.

– Боже мой, – только и смог сказать Суматохин.

– Олег Никитич, поскорее приезжайте. Вы же слышите сами, что здесь творится, – эти слова прозвучали уже как мольба.

– Михаил, успокойся ради Бога, возьми себя в руки. Скажи, ты хотя бы знаешь фамилии этих кровопийц?

– Савин и Коровин.

– Хорошо. Я попробую связаться с бывшим начальником налоговой, я с ним был на дружеской ноге. Может быть, он сможет подействовать на этих отморожков.

На самом деле Суматохин был едва знаком с бывшим начальником налоговой, просто, таким образом, он попытался вселить хоть каплю надежды в своих подчинённых.

– Олег Никитич, сами поскорее приезжайте. Иначе я не знаю, что может произойти. Долго мы уже не продержимся.

Хорошо, через час, через два буду.

И Суматохин отключил связь. «Какой кошмар, я так сойду с ума, сколько это может продолжаться, надо отключить телефон. Иначе, если этот Тихомиров еще раз позвонит, у меня будет нервный срыв», – подумал Суматохин. Ещё его беспокоила мысль об Ирине. Эта молодая девушка уже почти что год проработала в его фирме и к тому же у него с ней чуть-чуть не дошло дело до романа.

Глава 6

За окнами уже стемнело. Мучаясь угрызениям совести и обдумывая варианты относительно благополучного решения своей судьбы, Суматохин курил один, запершись на кухне. Каштанов, Элеонора, Иван и Лена слушали музыку в комнате и обсуждали какие-то житейские проблемы. Суматохину было странно то, что Каштанов так органично влился в такой коллектив.

Вскоре появились Полянский и Хватов. Суматохин открыл им, с каждым крепко обнялся и поцеловался, помог раздеться и повёл знакомить с другими гостями. Когда они втроем вошли в комнату, Элеонора ворковала о чём-то с Каштановым; Суматохин смог понять лишь то, что она говорила о том, как ей нравится «индиго», намекая на хороший вкус гостя; а Сыров и Лена танцевали танец, похожий на ламбаду: она находилась к нему спиной, он держал ее за талию и таким образом они зигзагообразно передвигались по комнате, одновременно вращая тазами.

– О, Дима, да ты сегодня не один, у нас тут артист, – прокомментировал увиденное Полянский.

– Танец – это не мой жанр, – сказал Хватов.

Ванилин и Лена наконец поняли, кто перед ними стоит, из-за чего несколько смутились, перестали танцевать и с робостью в движениях подошли к гостям, чтобы представиться. Каштанов и Элеонора встали со своих кресел, чтобы также поприветствовать гостей. В отличие от Ванилина и Лены они держали себя более хладнокровно, давая тем самым понять, что они равные по отношению к гостям. Суматохин представил Каштанова, как своего делового партнера, а Ванилина, как риэлтора. Мужчины пожали друг другу руки, а Хватов помимо этого еще принялся целовать руки женщинам: сначала Лене, потом Элеоноре, смачно с чувством. Полянский не последовал примеру товарища и просто пожал слегка руки женщинам.

Только все начали оправляться от знакомства и перекидываться короткими, ничего не значащими фразами, подбираться к темам для разговоров, которые бы устроили всех, Суматохина осенила ужасная мысль о том, что посыльный с едой и напитками до сих пор не явился. «Ладно, я забыл, но Нора о чём думала? Как всегда рассчитывала, что я всё решу. Чем же мне кормить теперь гостей?» – переживал Суматохин. В то время когда Суматохин волновался из-за того, что в очередной раз попал впросак, его супруга находилась в самом непринужденном состоянии и не придумала ничего лучше, как обсудить роль Хватова в последнем его кинофильме.

– По-моему, это ваша лучшая роль, – сказала она.

И после неё каждый поставил свой диагноз игре Хватова, кроме Лены, которая призналась, что не видела фильма.

Хватова нисколько не смущало всесторонне внимание к его персоне, а наоборот, «заводило». Он выглядел очень жизнелюбивым и весёлым. На каждый отзыв о его работе он старался отыгаться каким-нибудь остроумным экспромтом. И неудивительно, что показав себя в общении во всей красоте, он тут же стал «любимчиком публики». И стал тем центром всеобщего внимания, через который обсуждались все последние слухи и новости из мира искусства и шоу-бизнеса. Только одному Суматохину было не до высокого искусства, и он уже собирался идти в магазин. «Интересно, как на это посмотрит Каштанов? Ведь я весь в его руках. Не увидит ли он в этом какого-нибудь подвоха. Ведь он такой подозрительный», – думал он. И когда он обдумывал, как лучше сказать всем, что сесть за стол удастся не скоро, и что, скорее всего, ему придётся пробежаться по магазинам, в дверь позвонили.

После визита Каштанова Суматохин невольно вздрагивал после каждого звонка в дверь или от телефона. Так и сейчас, этот звонок в дверь привёл его в замешательство и сковал его действия.

– Ну, что стоишь? Иди, открывай, – обратился к нему Хватов. – Ты хозяин в доме или кто?

– Какой-то странный он стал, – сказал Полянский, когда Суматохин ушёл открывать.

– Конечно, будешь странным – столько лет не виделись, и так внезапно встретились, – объяснил Хватов.

Каштанов, стоявший в сторонке от остальных, ехидно ухмыльнулся этим рассуждениям.

Вскоре Суматохин провел в комнату девушку-посыльную, которая привезла салаты, фрукты и напитки. Девушка тихо поздоровалась со всеми и, подойдя к столу, принялась выставлять на него содержимое пакетов.

– Вот, поскольку договорились мы о встрече довольно-таки спонтанно. Поэтому попрошу не осуждать меня за то, что решил вопрос сервировки стола таким вот экстремальным образом, – объяснил всем присутствующим Суматохин.

– О чём ты говоришь, дружище. Мы же понимаем, что ты деловой и занятой человек. Я просто был уверен, что ты не пропадёшь в этой жизни. Эх, ты, бродяга, – сказал Полянский, после чего взял обеими руками за плечи Суматохина и дружески потрепал. – Эх, сколько же времени прошло?

– Ребята, если бы вы меня заранее предупредили, я бы честное слово организовал настоящий банкет, – сказал Суматохин, польщенный словами Полянского.

– Перестань – главное, что мы снова вместе, как десять лет назад, – успокоил его Полянский.

Пока Суматохин и Полянский обменивались любезностями, Хватов успел «положить глаз» на девушку-посыльную и начал оказывать ей всяческие знаки внимания.

– Девушка, а как вас зовут? – начал он.

– Юля, – спокойно ответила девушка, обернувшись и, увидев кто с ней разговаривает, охнула.

– Ой, а вы тот самый Дмитрий Хватов – который играл главную роль в фильме «Сумашедшее лето». Ой, а вас я тоже видела по телевизору, – девушка имела в виду Полянского.

– Тот самый. А это, тот самый воротила российского бизнеса – Кирилл Николаевич Полянский, лучший друг наших министров и вообще..., – Хватов запнулся, так как забыл мысль, которую хотел высказать.

– Ладно тебе. Скажешь тоже – воротила. Я не воротила – я только учусь, – поправил друга Полянский.

– Юля, если бы вы составили нам компанию, то сделали бы всех нас безмерно счастливыми. Пожалуйста, оставайтесь с нами, – выдал неожиданно Хватов.

– Мне очень неудобно.

– Не бойтесь, здесь вас никто не обидит. Даю вам слово, – не отставал Хватов.

– Не знаю.

– Вижу, вижу, что вам хочется остаться.

И Юля согласилась остаться.

Она была одета в обыкновенный пуховик, в каких ходила большая часть нашего населения, довольствующаяся скромным достатком. Несмотря на то, что уже было холодно, она пришла с непокрытой головой. Низкий рост, круглая аккуратная головка, длинные светлые воздушные волосы, очки в черной пластмассовой оправе – не самый актуальный тип для современной девушки.

Все знали, что Дмитрий Хватов является знаменитым холостяком и поэтому отнеслись с пониманием к его домогательствам. Он, играя роль учтивого кавалера, проводил Юлию в прихожую и помог ей раздеться.

Суматохин, Ванилин и Лена расставили посуду и бокалы. Элеонора отстранилась от этих хлопот, предпочитая им общество Каштанова, излучающего самоуверенность и самодоволь-

ство. Она все еще не могла простить мужу его неудачливости. Тем более когда в их доме собрались его друзья, у которых жизнь явно удалась, и ей невольно приходилось их сравнивать с мужем, не в пользу последнего.

Так получилось, что все присутствующие на этом вечере непроизвольно разбились на пары по симпатиям. Полянский обсуждал с Суматохиным вопросы политики и бизнеса, к ним жались Ванилин и Лена, которые мало разговаривали и много смотрели – изучали известных гостей. Каштанов ухаживал за Элеонорой, Хватов за Юлией.

Когда все наконец сели за стол, слово взял Дмитрий. Начал он с того, что вкратце рассказал историю с их клятвой, многое сказав и много наврава из чего сделал выводы:

– Конечно, сейчас глядя на то время, когда прошло десять лет, это выглядит несколько смешно, как юношеский максимализм. Но мне кажется, что все это было не зря, ведь мы многого добились. Значит, чтобы мы не думали о клятве – мы ее исполнили и можем гордиться этим. Первый тост я хочу поднять за хозяина этого дома, нашего старинного друга – Олега. Который добился многого: у него есть свой бизнес, он смог занять достойную нишу в нашем обществе. И мы гордимся таким другом. Потому что ему было тяжелее, чем нам, потому что мы москвичи, а он приехал к нам из другого города, и ему пришлось начинать с нуля. Олег, за тебя! До дна! – Хватов произнес тост, стоя и во время последних слов поднял рюмку вверх.

Таким образом, первые три тоста были посвящены виновникам торжества. От Хватова и Полянского исходили волны счастья, так они были довольны этой встречей, довольны тем, что их все уважают и любят. Глядя на них, Суматохин думал о том, что он мог бы быть также счастлив, как они, если бы не этот противный Каштанов, сидящий напротив него и жующий бутерброд с красной рыбой, и если бы не Тихомиров, ждущий его с минуты на минуту. «Пускай всё течет само собой. Ведь не может же этот кошмар длиться вечно. Всё когда-нибудь кончается и это кончится», – мысленно философствовал Суматохин. Тем не менее ему от этих рассуждений не становилось также весело, как друзьям, и он продолжал пребывать в состоянии ожидания очередного удара судьбы.

Хватов, взявший на себя роль тамады, предложил сделать перерыв на танцы. И поставив компакт-диск с медленными мелодиями, увлек в центр комнаты Юлю. Юля была очень польщена вниманием к своей персоне и смотрела на него странным взглядом, который можно было перевести так: «Можешь не говорить лишних слов, можешь только намекнуть одним лишь взглядом, и я исполню любое твоё желание. Потому что в этот вечер я вся твоя». Каштанов и Элеонора также танцевали, оба кидали друг на друга недвусмысленные взгляды, причём так, что это было трудно не заметить со стороны, плюс ещё ко всему Каштанов, обнимавший Нору за талию, то и дело норовил опустить руку ниже допустимого приличием предела. Это всё видел Суматохин, но не реагировал, потому что мысли его были заняты совсем другим, и место жены в системе его ценностей резко упало после того, как она раскрыла всю свою мещанскую сущность, после скандала из-за путёвок. Он подумал о том, что вероятно остался бы безразличным, даже если бы стал свидетелем её измены, и ему показалось, что он начинает презирать её, как презирают близких людей, совершивших предательство. Ванилин и Лена являли собой самую оригинальную пару вечера. Помимо того, что их внешний вид резко контрастировал по отношению к другим, Ванилин еще вёл себя вызывающе раскованно, почти все его движения и эмоции носили явно сексуальный подтекст, в то время как другие танцующие вели себя намного сдержаннее. Когда другие пары расходились, чтобы передохнуть, Ванилин ставил энергичную песню и начинал вместе с Леной выплясывать умопомрачительные па, с подбрасыванием, вывертами и прочими штучками.

– Какой темперамент, – отметил Хватов.

– Мачо, – с иронией заметил Полянский.

Вечер протекал обычным образом, все садились за стол, ели, пили, пели, потом перерыв на танцы и перекур, и по новой. Суматохин уже заметно захмелел и становился все рассеян-

нее и смешнее. Ему в голову пришла дурацкая мысль напиться до такого состояния, чтобы он не мог ни за что отвечать. И ему вполне это было по силам, так как его организм позволял выпить очень много, но единственное, что тормозило его – это стыд перед Полянским и Хватовым. Этого он боялся больше всего. Он посмотрел на Каштанова, тот уже почти в открытую флиртовал с его женой: шептал ей что-то на ухо, строил взгляды. «Хорошая пара из них бы вышла», – подумал Суматохин. Каштанов начал уже переходить все границы дозволенного и позволил себе слегка прижать к себе Элеонору. Присутствующие в комнате свидетели стали бросать недоумённые взгляды. Даже выдавший виды Ванилин неодобрительно покачал головой. Конечно, всё это вполне можно было бы считать за невинную шутку, если бы не слишком серьёзный вид Каштанова и его поведение. Элеонора кажется догадалась о том, что попала в неловкое положение и аккуратно освободилась от объятий кавалера и отошла в сторону.

– Ой, что-то неважно себя чувствую, простите, – объяснила свое поведение она.

– Что с вами случилось? – поинтересовался навязчивый Каштанов.

– Кажется давление, – и Элеонора погрузилась в кресло.

– Это образ жизни. Я, например, ничем, никогда не болею – железное здоровье, – похвастался Каштанов, присаживаясь недалеко от Элеоноры на край дивана.

– Я вам завидую.

– Зря.

– Это почему?

– Надо не завидовать, а правильно жить.

– К этому тоже нужны наверно способности?

– Не без этого. Если бы я мог знать вас получше, я бы вас с радостью обучил этой науке, и избавил вас от ненужных страданий.

Другие гости стали свидетелями этого разговора. Послушав оригинальные мысли Каштанова, у них проснулось желание получше познакомиться с ним, и Хватов попросил его рассказать о себе.

– Родился я в Москве, – начал Каштанов. – Родители – обыкновенные москвичи – служащие. В общем жили, как все. Потом поступил в академию. Потом окончил ее, разумеется с красным дипломом.

– И по какому же профилю обучались, если не секрет? – перебил его Хватов.

– По финансовому.

– О, это очень актуально в наше время и наверно востребовано, – опять встрял Хватов.

– В какой-то степени вы правы конечно, но не совсем. Знание, диплом – всё это много дает, но не всем, – и Каштанов хитро посмотрел на окружающих его гостей. – Главное – характер. Если есть характер, то ты многого можешь добиться в этой жизни. Если нет, то тебя часто будут отодвигать другие.

– Это точно, – согласился с ним Полянский.

– Есть еще один не маловажный фактор – это воспитание. Во многом я обязан своему дяде. Это он сделал из меня человека, воспитал меня. У него не было своих детей, и я заменил ему их. Если бы вы знали, что это за человек. На таких людях держится всё. Кстати, сейчас я тружусь у него. Должность пока маленькая, и это было моё желание начать от низа. Потому что я человек целеустремлённый, у которого большие цели в жизни: должен начать с нижних ступеней и потом уже плавно, планомерно шагать по ним до самого верха. Это лучше, чем однажды быстро прыгнуть вверх и потом с грохотом грохнуться о землю, – и Каштанов иронически поглядел на Суматохина. Суматохин сделал вид, что не понимает, о чём говорит Каштанов.

– И какова же, интересно, последняя ступень? – любопытствовал Хватов.

– Президент.

– Компаний? – решил уточнить Хватов.

– Нет конечно.

– России? – спросил Ванилин с поглупевшим, удивлённым лицом.

– Да.

– Почему не земного шара? – решил пошутить Хватов.

– Зря вы иронизируете. Я умею твердо стоять на земле и нахожусь в здравом рассудке. Вы не поверите. Я вам приведу один пример. Около пяти лет назад я взял себе правило записывать все свои планы в ежедневник, причем отмечать даты, в которые я должен завершить определённые дела. И каждый раз, покончив с каким-либо таким делом, я его зачеркиваю. И вот представьте себе, сколько времени прошло, и ещё ни разу не было случая, чтобы я не справился с каким-нибудь делом в срок. И это притом, что мой ежедневник иногда бывал расписан на три и более месяца подряд. Вот так.

И Каштанов торжественно посмотрел в глаза каждому гостю, как бы говоря своим взглядом: «ну что, поняли теперь, что я за птица!».

«Интересно, а под какой датой стоит у него решение моего вопроса? Неужели на сегодняшнее число – тогда я пропал. Влип я конкретно», – пронеслось в голове Суматохина, и он почувствовал, как холод пробежал у него по коже.

После этих откровений Каштанова сам Бог велел выпить, так сказать обмыть сказанное.

Хватов, стоя, произнес тост:

– Прошу минуточку внимания. Господа, так получилось, что в нашей компании невольно оказался очень достойный человек, которого мы просто не имеем права обойти вниманием; и этого человека, так же как и большинство сидящих здесь, можно назвать человеком с большой буквы. За Михаила Анатольевича Каштанова.

Все дружно осушили рюмки и бокалы, кроме непьющего Каштанова.

– Вы знаете, у меня сейчас в голове промелькнула такая банальность, только вы не смейтесь, пожалуйста. Знаете, есть такая теория: деньги к деньгам и тому подобное. Так вот, относительно нашей ситуации можно сказать что: большие люди к большим людям также притягиваются, – развил до конца свою мысль Хватов.

Присутствующие встретили эту мысль одобрительным, тактичным смехом. Даже Ванилин ради приличия улыбнулся, хотя ему было немного грустно от того, что за него вряд ли в этот вечер поднимут тост, как за большого человека.

– А ты уже братец хорош, – сказал Хватов, имея в виду Полянского. – Совсем не изменился...

После чего застолье потекло по обычному руслу.

Глава 7

– А теперь! – объявил Ванилин и, встав со стула, постучал вилкой по бокалу. – Музыкальная пауза, – закончил он.

Ванилин уже порядком захмелел и чувствовал теперь себя с гостями как равный с равными. Несколькими неловкими движениями он поставил компакт-диск и врубил центр на всю громкость. Заиграла энергичная зарубежная мелодия. Ванилин задвигался, изображая нечто промежуточное между рэпом и русскими народными танцами. Лена скакала вокруг него козочкой. Суматохин решил немного расслабиться и присоединился к ним, подсказывая публике танец современных московских денди, завсегдатаев ночных клубов и дискотек, с резкими взмахами рук и крутыми поворотами таза, и обязательными выкриками типа: «Давай, давай». Хватову не хотелось отставать от них, и он с криком «Асса», радостно возбужденный, подскочил к ним. Танцевать он умел только лезгинку. Спустя несколько песен они слились, смешались в единое целое, и казалось, что уже ничто не может разлепить этот клубок извивающихся, обнимающихся рук, вздрагивающих тел и заплетающихся ног. Но отыграли звуки последней песни. Мужчины, окружившие Лену, ухали и закружили вокруг своих голов сорванные с вспотевших тел мокрые рубашки. Потом Хватов неожиданно упал на колени. Суматохин и Ванилин последовали его примеру. Лена завизжала от удовольствия и захлопала часто своими крошечными ладошками.

– Вертолётники, – прокомментировал увиденное Полянский.

– Что? Что? – спросил недоумевающий Каштанов, сидевший рядом.

– Вертолётники – ну это когда... – и Полянский вперемешку словами, жестами и кивками объяснил, что имел в виду круговые движения одеждой вокруг головы. – Вы разве никогда так не делали в молодости, во время танцев?

Каштанов посмотрел в добрые, пьяные глаза Полянского, посмотрел на него как на сумасшедшего.

– Нет, – ответил он.

Каштанову было не до шуток. Он подошел к Суматохину, стоявшему посреди комнаты вместе с другими любителями энергичного танца и сказал ему:

– Надо поговорить, – и кивком головы показал ему на выход из комнаты.

Суматохин, Ванилин и Хватов переводили дух, тяжело дыша, как загнанные кони. Возбужденная Лена сновала между ними. Они то обнимались, то обменивались впечатлениями с помощью междометий и нецензурных слов. Суматохин отделился от них и направился к выходу из комнаты, но Ванилин поймал его за руку, вернул на место и, повиснув у него на шее, прошептал ему на ухо:

– Братан, братан, мы же с тобой, как братья. Скажи, да?

– Конечно, конечно, – ответил Суматохин, освободился от его объятий и посмотрел в глаза другу с грустью, как будто говорил: «Ну, прощай, я может быть уже труп». Суматохин оглянулся. Каштанов стоял в дверном проеме, скрестив руки на груди, и с нескрываемой злобой смотрел в его сторону.

– Ладно, отдыхай Иван, мне надо поговорить с человеком, – сказал Суматохин и пошел.

– Олежа, если что, ты только скажи, я за тебя любому глотку перегрызу, – кинул ему вслед Ванилин.

Когда Суматохин и Каштанов подошли к кухне, Каштанов открыл дверь и, схватив рукой Суматохина за шею, с силой втолкнул его так, что тот влетел в кухню, едва не ударившись головой об батарею. Каштанов закрыл за собой дверь.

– Ты с ума сошел?! Ты что делаешь?! – начал возмущаться Суматохин.

– Садись, – приказал Каштанов.

– Нет, я не пойму...

– Я сказал, садись! – рявкнул Каштанов.

Суматохин сел на табуретку между кухонным столом и холодильником, Каштанов поднял табурет, стоявший с другой стороны стола, опустил его около Суматохина и тоже сел. Таким образом, Каштанов приблизился к Суматохину вплотную, и они находились друг к другу лицом к лицу.

– Сколько время? – обратился Каштанов к Суматохину, глядя тому в глаза.

– У тебя же на руках часы. Трудно посмотреть?

– Хватит притворяться дураком. Мне надоел этот ералаш. Прошло уже четыре с половиной часа, где твой адвокат? – заорал Каштанов.

– Ты что на меня орёшь?! – попытался также повысить голос Суматохин.

– Что, я ору? Я могу, конечно, не орать, могу просто пойти и рассказать всем твоим друзьям, товарищам о твоих подвигах. Ты этого хочешь?!

– О каких подвигах? – упавшим уже голосом пролепетал Суматохин.

– Что, забыл уже? Я могу напомнить. О том, как ты кинул одного человека, а именно моего дядю. О том, как ты втёрся к нему в доверие. Как ты ходил вместе с ним в консерваторию, как разглагольствовал на темы о высоком искусстве. Как ты ему запудрил мозги сказками вроде той, что какое удивительное совпадение у вас вкусов в музыке и живописи. Кстати, должен признать, ты здорово подготовился: к своему великолепному удивлению я у тебя не обнаружил ни одной записи классической музыки, и картин на стенах я тоже не заметил. Это, конечно, надо было уметь хорошо подготовиться. Это, наверное, была целая операция. Ты хорошо тогда сыграл свою роль любителя искусства. И самое главное, как только нашел момент, когда можно было попросить денег? Причем как попросил? Попросил так, что мой несчастный дядя не удосужился на всякий случай заглянуть в твой паспорт. Ты оказался настоящим артистом-виртуозом: так войти в доверие к человеку, прошедшему огонь, воду и медные трубы. Как тебе история? Может и правда стоит предать её огласке?

– Господи, за что мне это все? – Суматохин чувствовал себя опять загнанным в угол, и не видел пока никаких вариантов выхода.

– Хватить богохульствовать. Бери бумагу и ручку – возвращаемся к первому варианту, – приказал Каштанов.

– Нет, не надо. Только не это, – жалостливо попросил Суматохин.

– Почему? Ты, что решил за нос меня водить? Я тебе дам – не надо!

– Я сейчас пьян. А когда я пьян, я могу быть таким рассеянным. Я так могу себе смертный приговор подписать.

– Сам виноват.

– Сейчас я позвоню Владимиру и все улажу.

– Ладно, даю тебе последний шанс.

Суматохин сходил в прихожую за трубкой, набрал номер Владимира и замер в ожидании. К его счастью голос друга слышался слабо, так что находившийся рядом Каштанов не мог понять, что тот отвечает.

– Ну и что же случилось с твоим адвокатом? – спросил Каштанов, когда Суматохин отключил связь. – Наверное по дороге ему пришлось принимать роды или его похитили инопланетяне? Угадал?

Суматохин был хмур и серьезен.

– Что молчишь? Отвечай?

– Какой смысл говорить, если ты мне не поверишь?

– Всё равно говори или мне придется принять меры.

– Ну, хорошо. Погиб наш общий знакомый – Лёня Овечкин. Володя вёл и его дела, к тому же он был его близким другом. Ему пришлось отложить текущие дела и ехать на опознание. Он до сих пор находится в шоке. Да и я, если честно, ошарашен этой новостью.

Суматохин сделал скорбный вид и закрыл ладонями лицо. Каштанов счёл, что проявлять гуманность в данную минуту к собеседнику не стоит, и надо продолжать добиваться от него выполнения его обязательств. Суматохину пришла в голову дерзкая мысль: от всего отказываться и постараться доказать, что никаких денег он не брал в долг, ведь он не оформлял кредит юридически. «А что, не исключено, что так оно на самом деле и есть», – предположил он. Но если бы он пошел по этому пути, тогда бы ему пришлось пережить моральные травмы, если бы Каштанов осуществил свои угрозы и начал разоблачать его, а возможны еще физические... Нет – пережить тяжесть собственного разоблачения Суматохин был еще не готов, поэтому отменил этот вариант.

– Что будем делать? – спросил Каштанов.

– А? – Суматохин сделал вид будто бы не расслышал вопрос.

– Будешь писать расписку или нет?

– Зачем расписка, сейчас Владимир должен подъехать.

– Сейчас, это когда?

– Через пару-тройку часов.

– Так дело не пойдет. Надоел ты мне. Морочишь мне голову уже целый день. Пойду-ка я лучше расскажу почтенной публике о твоих подвигах – интересно будет посмотреть на их реакцию.

– Подожди, перестань. У меня есть идея. Тебе должна понравиться – только выслушай.

– Выкладывай – только поскорее, время ты у меня отнимаешь просто пропасть, – уже было вставший Каштанов снова сел.

– Тебе точно понравится. Давай сделаем так: сегодня или завтра я тебе даю тысячу долларов, после чего уже составляем новый договор, только без таких процентов. Подумай сам: по сроку я только не заплатил пятьсот баксов, а так я отдам тысячу. Дяде твоему это тоже понравится. Как тебе моя идея?

– Ты что, меня за идиота принимаешь?

– Нет.

– Тогда скажи мне: где ты найдешь тысячу долларов, если ты не мог и половину этой суммы выплатить в срок? Ну, давай соври еще что-нибудь.

– Зачем мне врать? У меня же есть знакомые, друзья. Так что найду, не волнуйся.

– А как с ними потом будешь расплачиваться?

– Это уже будут наши проблемы.

– Допустим, я соглашусь с этим вариантом, что тогда?

– Тогда – приезжайте завтра вечером за деньгами и завтра же заключим новый договор.

Каштанов задумался. Пока он думал, Суматохин успел поставить чайник на плиту и закурить сигарету.

– Идея твоя мне понравилась, – начал Каштанов. – Только я решил внести в нее кое-какие поправки. Деньги ты отдашь мне сегодня! Сегодня! И сегодня же я хочу увидеть твоего адвоката, чтобы он оформил новое соглашение.

– Но ведь уже поздно, – возразил Суматохин.

– Или принимай мои условия или мне придется принять меры. Устал я от тебя уже. Решай быстрее, – и Каштанов нервно замотал головой, что было в общем то ему не свойственно, так как по жизни он был спокойным человеком.

– Деваться мне некуда, ведь я весь в ваших руках. Будем искать.

Суматохин даже улыбнулся. Каштанов же оставался серьезен.

– Ну что ж, действуй. Время до полуночи у тебя ещё есть, – сказал он, взглянув на часы.

Суматохин не нашел что ответить и пошёл посмотреть: закипел ли чайник. Каштанов тоже встал. И в это время раздался женский крик. Каштанов и Суматохин замерли на мгновение, переглянулись друг на друга, после чего оба бросились из кухни.

Около двери ванной уже собрались некоторые гости: Полянский, Хватов и немного поодаль от них Юля. За дверью слышались ругательства и возня. Потом щелкнул замок, дверь отворилась и из ванной выбежала Лена, закрывая своими крохотными ладошками заплаканное лицо. Суматохин первым заглянул в открытую дверь. Ванилин никак не мог натянуть кожаные штаны, которые с трудом налезали на его широкие бедра. На его щеке краснел след от пощечины.

– Я то думал она продвинутая. А она... Вот видишь, – Ванилин попытался объяснить то, что произошло, увидев Суматохина.

– Ладно, одевайся, пойду попробую сгладить конфликт, – сказал ему Суматохин, а потом обратился к остальным: – Недоразумение вышло.

После чего пошел искать Лену.

– Каков поп таков и приход, – ехидно прокомментировал случившееся Каштанов.

Суматохин нашел Лену на кухне. Она уже почти не плакала, только тихонько всхлипывала и немного вздрагивала. Она сидела в углу, рядом со входом. Кроме них никого на кухне не было. Суматохин немного походил взад вперед бессмысленно, потом присмотрелся к жертве своего приятеля. Она вытерла платочком мокрые щеки. «А она ничего. А я раньше считал, что у Ванилина со вкусом туго», – подумал Суматохин.

– Может кофе, – предложил он.

Лена согласилась, тем самым несколько удивив Суматохин. Тот полагал, что она еще не совсем оправилась после покушения Ванилина. Под рукой оказался очень кстати закипевший чайник. Суматохин быстро организовал две чашечки кофе. Вообще ему очень нравилось налаживать контакты с новыми людьми, проникать им в душу. От этого он испытывал громадное удовольствие. И вследствие этой черты его характера, он успел за свою недолгую еще жизнь завязать массу знакомств. От чего ему приходилось иногда испытывать различные неудобства: то кто-то внезапным звонком напоминал некстати о себе, то кто-то неожиданно находил его и начинал приставать с различными предложениями, кто-то более навязчивый просто доставал со своей дружбой. К числу последних Суматохин мог бы отнести Ванилина, если бы у него были друзья поважнее, посолиднее. Но Суматохин не выносил атмосферу одиночества и поэтому всегда нуждался в кружке хороших собеседников и компаньонов, с которыми можно было бы «качественно» убить время.

Суматохин объяснил поведение Ванилина, как досадное недоразумение. Потом он высказал много нелюбимых слов относительно приятеля, чтобы дать понять Лене, что сочувствует ей, намекая, что находится больше на её стороне, нежели чем на стороне незадачливого Казановы. Это заметно подняло настроение Лены. Продолжая непринужденную беседу, Суматохин вычислил инстинктом тот момент, когда можно будет уже обмолвиться и добрым словом в защиту друга. Тогда он перечислил несколько положительных качеств Ванилина, о которых тот и сам не подозревал. Он рассказал несколько сюжетов из их дружбы, в которых Ванилин представлялся исключительно положительным персонажем. В конце этого рассказа Суматохин тактично напомнил о том, что, несмотря на все перечисленные заслуги своего друга, он думает о его последней выходке, как о безумии и досадном недоразумении. Лена повеселела, и они начали болтать на нейтральные темы: о сотовой связи, о ночных клубах, о Бритни Спирс. Они не заметили, как выпили несколько чашечек кофе и выходили из кухни оба довольные, поглядывающие друг на друга как будто за это время между ними что-то уже могло произойти.

Глава 8

Но радость их оказалась недолгой, особенно радость Суматохина.

Элеоноре видимо уже кто-то донёс о подвиге Ванилина, и она решила принять меры. Она пыталась выгнать упирающегося Ванилина. Они оба стояли в прихожей и ругались. Вернее ругалась Элеонора, а Ванилин громко отвечал.

– Я сказала, одевайся и убирайся! – требовала Элеонора.

– Лер, ну будь человеком, ну с кем не бывает? – оправдывался Ванилин. Он держал в руках куртку, которую не хотел одевать.

– Я кому сказала?

– Лер, дай хоть с Олегом попрощаться, – просил Ванилин.

В это время из кухни вышли Суматохин и Лена.

– Норик, перестань, – обратился к жене Суматохин, подошёл к ней и обнял за плечи. – Давай простим его, вот и Лена его уже простила. Скажи.

И Суматохин успел подмигнуть Лене одним глазом, так чтобы не видела Элеонора.

– Пускай останется, – сказала Лена.

Элеонора с недовольной гримасой на лице резко освободилась от объятий мужа и, отойдя в сторону, процедила сквозь зубы:

– Я бы не простила. Я бы кастрировала таких вот.

– Я бы тоже, – решил поддержать ее Каштанов, стоявший, скрестив руки на груди, несколько поодаль от них у дверного проема, ведущего в комнату.

Это неожиданное вмешательство Каштанова заставило участников конфликта невольно обернуться на него. Ванилин не понимал его кровожадности. Лене на самом деле было всё равно, и она повернулась в его сторону ради приличия.

Суматохин догадывался о чувствах и мыслях Каштанова. А Эля не просто посмотрела в сторону Каштанова, а посмотрела особенно, как бы намекая: «Слава Богу, что здесь есть хоть один порядочный человек, который может меня понять и поддержать».

– Ну, хватит вам ссориться. Подеритесь ещё, – продолжал играть роль миротворца Суматохин.

Но можно было уже не уговаривать, Элеонора уже исчерпала накопившийся запас агрессии и удалилась в комнату. Каштанов последовал за ней, не забыв перед этим бросить ехидную ухмылку в сторону Суматохина. Суматохин сделал вид, что ничего не заметил и не понял. Ванилин повесил куртку обратно на вешалку, и они втроем вошли в комнату.

Суматохин вспомнил о последнем уговоре с Каштановым. Надо было что-то делать, как-то действовать. Но как, он не мог сообразить. Времени у него стало не очень много.

Он мысленно просчитывал различные варианты, размышлял над ними, откидывал их в сторону и придумывал новые. Из знакомых ему никто не мог помочь, к такому выводу он пришёл, вспомнив о том, что многим из них успел задолжать по мелочи, к тому же вряд ли бы у них нашёлся кто-то, кто мог найти или собрать нужную ему сумму. Единственное на кого можно было надеяться, так это на Гриба, которого, как назло, не было в Москве. Ему уже казалось, что у него нет никаких шансов, как его неожиданно осенила оригинальная идея. Идея заключалась в том, чтобы обратиться за помощью к Хватову, либо Полянскому.

«А что, братцы кролики, вот я сейчас и проверю вашу кредитоспособность. Посмотрим, какие вы стали крутые?» – подумал он.

Он понимал, что ему придётся предстать перед ними уже скорее в роли неудачника, чем человека с большой буквы, но ему уже было, по большому счёту, наплевать на это.

Начать он решил с Хватова.

Пока он соображал, среди собравшихся успели сложиться несколько партий. Первая состояла, из ставших почти неразлучными Каштанова и Элеоноры и рядом с ними расположившейся Лены. Первые двое что-то обсуждали, а последняя выступала в их компании в роли слушательницы. Вторая партия состояла из Полянского, Хватова и Юли. Хватов играл на гитаре известную песню и пел, Полянский обняв его одной рукой подпевал, а Юлия сидела несколько в стороне от них и заметно приуныла. Ванилин сидел один, отдельно от остальных, также как и Суматохин и перебирал кучу компакт-дисков.

Суматохин дождался пока Хватов допойёт песню, после чего предложил ему пойти с ним покурить на кухню. Хватов согласился.

Хватов курил тонкие сигареты коричневого цвета. Это показалось Суматохину смешным, но ему пришлось сдержаться, так как разговор предстоял серьезный.

– Дим, у меня к тебе дело. Хотя нет, скорее просьба, – начал он. – Ты не мог бы мне оказать помощь. Это, я думаю, для тебя не будет ничего стоить.

– Не темни, – сказал Хватов.

– Мне срочно нужна тысяча долларов.

Хватов сразу погрузился и не отвечал.

– Выручишь? – спросил Суматохин.

Хватов выдержал паузу, прежде чем найти, что ответить.

– Влетел? – вопросом на вопрос ответил он.

– Вроде того, – туманно ответил Суматохин.

– На много?

– Тысяча меня бы вполне сегодня спасла.

– Сегодня? – удивился Хватов.

– Да, сегодня.

Хватов опять задумался.

– Эх, Олег, Олег. Если бы я мог, я бы обязательно помог. Понимаешь, мне не жалко, я и не был никогда жмотом. Ты же знаешь.

– Тогда почему?

– Долгий разговор.

– А ты что спешишь?

– Ты прав. Ты думаешь, у меня карманы ломятся от зелени? Нет.

– Ну, ты же звезда нашего кино. Тебя же по телевизору крутят чуть ли не по пять раз на дню.

– Ты думаешь, так легко попасть в этот телевизор?

– Ну, ты же попал.

– Попал. Просто, если говорить на чистоту, нет у меня таких денег. Сейчас у меня в кармане три сотни баксов. И даже ими мне было бы с тобой трудно поделиться, потому что я сам по уши в долгах.

– Как?

– Вот так.

– Значит, товарищ по несчастью.

– Выходит что так.

– Как же ты дошел до такой жизни?

– Квартиру купил в кредит, в «Алых парусах». Теперь не знаю, отдам ли этот кредит. Что самое интересное, Олег, ты думаешь, это была моя идея? Люди из наших кругов намекнули: Дима, если хочешь быть в эпицентре шоу-бизнеса, ты должен расти во всех направлениях.

– Какие люди?

– Так. Ты не знаешь. Это очень важные люди в шоу-бизнесе. От них фактически зависит судьба актёра. Ты же, Олег, не глупый, понимаешь, что актер человек зависимый. И вот

теперь приходится играть по их правилам. И имидж теперь видишь ли не позволяет мне жить в хрущобе на окраине.

– Попал ты, Димон, – посочувствовал ему Суматохин.

– Ничего прорвёмся, – сказал Хватов и улыбнулся.

Суматохин понял, что промахнулся.

Глава 9

Ванилин готовил очередной танцевальный нон-стоп, и все просили его пощадить их и не ставить больше энергичных громких песен... Больше всех негодовала Элеонора. Она не стеснялась в выражениях и несколько раз сказала всё, что думает о Ванилине при всех, на что тот не обратил никакого внимания. Наконец Ванилин откопал из вороха компактв тот, который казался ему более соответствующим моменту.

– Классные медляки от Гриба, – объявил он публике. Гриб занимался пиратским производством компакт-дисков и продавал их на Митинском рынке.

Услышав слово «медляки» все успокоились и перевели дыхание.

– Дамы приглашают кавалеров, – снова объявил Ванилин и стал ждать, когда кто-нибудь пригласит его, но его проигнорировали.

Элеонора пригласила Каштанова, Лена Полянского. Между Хватовым и Юлией уже было не все так гладко, и Хватов теперь почему-то старался не замечать её. Это заметил Суматохин и стал бояться, что Юлия пригласит его. Так и произошло.

Суматохин умело скрыл свой страх добродушной улыбкой и фразой:

– За какие заслуги?

На что не получил ответа.

– Юля почти на голову была ниже его. И Суматохин смотрел на неё свысока и улыбался.

Когда Юлю уговорили остаться, Суматохин в общей суматохе договорился с ней, что расплатится с ней позже, а теперь он понимал, что сделать это, скорее всего, невозможно. Поэтому ему было стыдно и неловко перед этой девушкой.

– Ты знаешь, я очень удивлён твоим поступком, – сказал Суматохин.

– О чём вы? – не поняла Юля.

– Как ты согласилась остаться провести с нами вечер? Надеюсь, тебе из-за этого не попадет от твоего начальства.

– Нет. Я позвонила и предупредила.

Суматохин хотел было спросить её о том, не боится ли она поздно возвращаться домой, но во время остановился, так как понял, что тогда ему придётся решать проблему с оплатой. «Главное, чтобы она оставалась у нас как можно дольше, а там все может быть как-нибудь решится само собой», – мысленно решил он.

– Ты знаешь, а у тебя красивые глаза, – отважился на комплимент Суматохин.

– Мужчины, наверное, всегда так говорят, когда хотят сделать комплимент некрасивой женщине, – парировала Юля.

«А она оказывается умна», – сделал вывод Суматохин.

– Может быть, но к тебе это не относится, – нашёлся наконец он, как продолжить беседу.

– Вы так говорите только ради приличия.

– Совсем нет.

Они протанцевали вместе ещё пару песен, после чего Юля предложила Суматохину пойти покурить в подъезд и поговорить...

Суматохин помог Юле сесть на подоконник и прикурил ей сигарету. В подъезде было тепло, и они даже не накинули на себя теплой одежды.

Юля начала рассказывать о своей жизни. Рассказала, что она учится в институте, денег не хватает катастрофически, родители присылают мало, поэтому приходится в свободное время развозить еду.

Суматохин подумал, что девушка просто хочет выговориться.

– Олег, а ты смог бы полюбить меня? – неожиданно спросила Юля.

Суматохин не знал, что ответить. Он посмотрел на неё. Она была не худая, не толстая, золотая середина. У нее была кругленькая головка, обыкновенный носик с несколько широкими крыльями, длинные светлые волосы. Суматохину больше всего нравились в ней необыкновенные выразительные глаза. Суматохин не ответил, поэтому Юля решила, перевести разговор в другое русло и сказала о том, что заметила, что у него какие-то неприятности.

– Неприятностей у меня хватает, – подтвердил Суматохин.

– Что, совсем тяжело? – спросила Юля.

Суматохин не хотел ее отягощать своими проблемами, поэтому решил рассказать о себе.

Он рассказал, что после армии приехал в Москву учиться, поступил в институт, в учебе больших успехов не достиг, полностью удалось закончить лишь первый курс. В Москве удалось обрести кое-какими знакомыми, благодаря чему удалось задержаться в столице, проживая на съемных квартирах. Так было, пока он не женился на Элеоноре. Он рассказал о том, что сменил много видов заработка. В начале девяностых все кинулись в торговлю, он также начал торговать по мелочи, попробовал себя в роли челнока. Не так давно все оставшиеся деньги вложил в агентство, судьба которого теперь висит на волоске.

– И ты знаешь, меня однажды как-то просто взяло такое зло, – продолжал он свой рассказ. – Это трудно понять, наверное. Я все колупаюсь со своим бизнесом, а кругом люди деньги поднимают без особых усилий, легко и красиво. Конечно, и я не был безгрешным, иногда тоже химичил по ерунде. Но всё равно настал такой момент, когда мне надоело наблюдать, как другие процветают, а я прозябаю. А что нужно для того, чтобы процветать? Найти какого-нибудь лоха или лохов и поиметь с них. Во всяком случае, так я тогда рассуждал. И как нарочно подвернулся-таки удобный случай. Встретил я одного важного дядю, который очень музыку любил. Ну, я и стал ему подыгрывать, завязал с ним знакомство, почитал книги по классической музыке, после чего мог с ним спокойно рассуждать о высоком искусстве, ходить вместе с ним по консерваториям. Не хватало ему родственной души, и я оказался очень кстати. Я знал, что он богат. Потом, не сразу конечно, потерпев до поры до времени, я попросил его помочь мне деньгами. Мне было очень страшно, но азарт был гораздо сильнее. Чтобы держать себя спокойно, я внушал себе, что это всего лишь игра. Сначала я даже не думал, что обязательно буду кидать этого человека. Я даже придумал план, как прокрутить эти деньги с максимальной выгодой и потом постепенно вернуть долг. Я даже отдал первый взнос, как и обещал, но потом деньги так быстро и незаметно рассосались на долги, на дело, так что я понял: вернуть их в ближайшее время никак не получится. На что я надеялся, сам не могу понять. Надеялся, что не сильно обедневший от моей дружбы дядя, со временем просто прекратит поиски? Возможно. Человек всегда надеется на лучший исход, даже когда ощущение надвигающейся гибели очень велико. Так и я неверно надеялся. Так что, Юля, делай выводы. Теперь ты узнала, что я за человек. Видимо, не суждено мне стать человеком с большой буквы. Так что не обижайся, что не ответил на твой вопрос. Ведь если всё делать правильно, то это я, а не ты, должна ставить так вопрос: смогла бы ты полюбить такого, как я?

Суматохин испытал сильное облегчение после того, как рассказал историю своей жизни, при этом ни разу не соврав. Он даже не боялся, что Юля потребует с него деньги. Он был уверен, что она этого не сделает.

– А разве это так важно, быть человеком с большой буквы? – спросила Юля.

– Для меня – нет. Хотя, если заглянуть в прошлое, то тогда для меня это, скорее всего, имело значение, – признался Суматохин. – Но время меняет нас, меняет наши мысли, наши желания.

– А каким ты представляешь свое завтра? – спросила Юля.

– Завтра? Я думаю, что его у меня просто нет.

– Почему?

– Видно судьба у меня такая.

– Но почему так получилось?

– Потому что не те я ставил перед собой цели, ни к тому стремился. Много смотрел на других, хотел жить как все, те, которые в чём-то преуспели и мало заглядывал в себя, мало обдумывал свои поступки.

– Странно. Ведь ты же умный и понимаешь все причины своих ошибок, как ты умудрился дойти до такой жизни?

– Хорошая мысль приходит поздно.

Юля неожиданно положила руки Суматохину на плечи. Он все понял и, крепко обняв ее, притянул к себе и нежно припал своими губами к ее губам. Этот глоток невинной любви для него был равносильен глотку воздуха. Ведь это было так необычно и потому так заманчиво: впасть в любовные чувства, когда где-то рядом ходит твой палач, готовый в любой момент изломать всю твою жизнь. «Может быть, я и не с большой буквы человек, но видимо всё-таки чего-то стою, если такая девушка влюблена в меня, несмотря на все мои недостатки», – подумал Суматохин. Ему в этот момент казалось, что это совсем не флирт, а нечто большее. И у него возникло острое желание отдаться полностью, без остатка этому необъяснимому прекрасному чувству. Но разум невольно вернул его в чувство реальности, когда они поставили точку в этом их первом поцелуе, связавшим невидимой нитью их сердца. Он сразу вспомнил обо всех, навалившихся на него разом проблемах и ему уже стало не до чувств.

Они заговорщицки хитро смотрели друг другу в глаза и улыбались. Суматохин думал о том, как ему помягче намекнуть Юле, что они выбрали не самое удачное время и место для выражения чувств друг к другу. В то же время ему было мучительно сложно всё объяснить Юле, потому что он понимал, что как только он это сделает, то это необъяснимое состояние лёгкости и окрылённости, в котором он находился теперь, может покинуть его и потом неизвестно, как она отреагирует на его объяснения. В общем, душу Суматохина переполняли чувства, в то время как в его голове царил полный хаос, из-за чего он не мог правильно решить, как ему поступать дальше.

Юля крепко обвила руками его шею. Он также держал ее в своих объятиях. Он так и не решил, каким образом вести себя дальше и думал о времени: сколько его у него осталось? И когда он пришел к выводу, что в запасе у него имеется приблизительно три-четыре часа, Юля склонилась к его голове и стала шептать ему на ухо. После того как она окончила, Суматохин покраснел лицом и не знал, что ответить. Юля нашептала ему, что хочет нечто большего и призналась, что он будет у нее первым.

– Ты с ума сошла?! Ты же испортишь себе жизнь. Не забывай, что у меня пока ещё есть жена, – начал возмущаться Суматохин. – И я не могу тебе ничего обещать. Понимаешь ты это?

Но Юлю совсем не смутило поведение Суматохина, не разозлило то, что он неожиданно пошёл на попятную. Она спокойно объяснила ему, что на самом деле для многих девушек невинность вовсе не является достоинством, а скорее обузой, и им приходится из-за этого терпеть постоянные уколы от более востребованных подруг. Суматохин догадался, что Юля намекает на себя.

– Ну, хорошо, допустим я соглашусь. Но как ты себе это представляешь? Нам же просто негде уединиться, – Суматохин попытался объяснить невозможность её затеи.

– Но ты же умный. Придумай что-нибудь, – Юля продолжала настаивать на своём.

– Не знаю даже, что можно сделать.

Суматохин подумал и решил, что возможен только один вариант – лифт. В таком необычном месте ему ещё ни разу не приходилось заниматься такого рода делами. И поэтому, представив себя в такой ситуации, он испытал сильное нервное и не только возбуждение. «Нет, всё-таки она прелесть!» – подумал он.

Суматохин изложил план действий Юле. Она должна дождаться его в подъезде, пока он покажется в квартире. Это, по его словам, нужно было для того, чтобы гости ничего не заподо-

зрили, так как они отсутствовали уже порядочно по времени. Он скажет, что пришёл за сигаретами. Юля согласилась с этим планом.

От предвкушения предстоящего удовольствия у Суматохина замирало сердце. «Пускай это может показаться глупым в моём положении. Но если посмотреть на это трезво, то по сути мне уже нечего терять. Так что надо брать земных радостей столько, сколько их дает судьба. Ведь истекают мои последние часы, а что будет потом, я не знаю. И вообще, это её идея, а не моя», – мысленно давал оправдание своим поступкам Суматохин. Вообще, находясь под впечатлением этой намечающейся близости, в голове у него пронеслось немало нелепых мыслей, связанных с его будущим после осуществления этого дерзкого замысла. Так, он воображал, что если ему не удастся выкрутиться из этой передраги с долгами и с ним случится что-нибудь трагическое, то несмотря на это, у него, спустя какое-то время может родиться сын (он думал что именно сын) и это будет означать, что он всё-таки не зря прожил на свете. С Элеонорой у него не было детей. Суматохин был очень суеверным человеком. И из одного из таких суеверий, в которые он верил с невероятным для цивилизованного человека фанатизмом, следовало, что не оставив на земле потомства, человек уже не мог рассчитывать на новое перевоплощение в будущем. А Суматохин очень хотел бы появиться в этом мире в будущем заново, чтобы прожить более осмысленную жизнь, наполненную успехами и достижениями больше, чем неудачами и невзгодами. Эти мечты он тщательно скрывал от всех и никогда никому о них не рассказывал.

Суматохин вернулся в квартиру. Он прошёл в малую комнату, якобы за пачкой сигарет. Когда он проходил через прихожую и коридор, то заметил на кухне курящих Полянского, Хватова, Элеонору и не покидающего её ни на минуту, некурящего Каштанова. Они молча поглядели на проходящего мимо Суматохина. Тот в ответ как бы слегка кивнул головой и сказал глазами: «Всё нормально ребята. Продолжайте отдыхать. На меня не обращайтесь». Проходя мимо большой главной комнаты, Суматохин увидел там Лену, сидящей на диване и рядом с ней Ванилина. Они были заняты своими делами и не заметили его. Суматохин краем уха услышал, что Ванилин, кажется, просил прощения.

«Всё нормально – всё идет по плану», – заключил Суматохин, оценив ситуацию, когда закрыл дверь за собой в малую комнату. На всякий случай, чтобы избежать ненужных подозрений, он достал из бара, находившегося в стенке, пачку сигарет. Он собрался выйти из комнаты, когда до него донеслись звуки телефонного звонка, заставившие его немного поволноваться, потому что вскоре они прекратились.

Суматохин вышел из комнаты.

– Тебя, – на его пути стояла Эля с трубкой в руке.

– Кто? – спросил Суматохин.

– Тихомиров твой любимый, кто же ещё.

– Скажи ему, что меня нет.

– Я уже сказала, что сейчас передам тебе трубку.

Эля общалась с ним несколько нервным тоном, чувствовалось, что она еще не простила ему его неудачливости.

– А ты куда собрался? – спросила она.

– Вот, сигареты кончились. Зашёл, чтобы взять новую пачку. Хочу с человеком обговорить одно дело. На кухне и так тесно, поэтому мы лучше в подъезде, – объяснил Суматохин.

– С каким еще человеком?

– С девушкой-посыльной.

– Какие у тебя могут быть с ней разговоры?

– Я же не спрашиваю, какие у тебя могут быть разговоры с этим (Суматохин имел в виду Каштанова).

– Тоже мне сравнил, – съязвила Эля и, окинув мужа взглядом исполненным презрения, вернулась на кухню.

Суматохин поднёс трубку к уху и услышал дыхание Тихомирова. Дыхание было тяжелым и глубоким. Как не хотелось Суматохину разговаривать со своим управляющим, деваться было некуда.

– Алло, – сказал Суматохин.

– Олег, что случилось, почему ты до сих пор не выехал?

– Извини, Миш. Тут у нас тоже такое произошло. Когда ты последний раз позвонил, я собрался по быстрому, выскочил из квартиры, а потом. В общем, когда мчался по лестнице, споткнулся и сломал ногу. Такие вот брат дела. Сейчас только что ушёл доктор – наш знакомый Саша Петренко, может знаешь его? Он сказал, что мне сейчас лучше лежать и не вставать. Так что видишь, ничем не могу сейчас вам помочь.

– Как же так получилось?

– Вот так – спешил.

– Что, неужели перелом?

– Буду надеяться, что нет. Завтра поеду снимок делать.

– Вот чёрт.

– Сам, Миш, локти кусаю от бессилия.

– Что же делать? – голос Тихомирова был не по-мужски жалостлив.

– Будем думать, Миш. Что-нибудь придумаем. Как вы там? Держитесь еще?

– Олег, – Тихомиров сделал паузу. – Олег, мы на тебя надеялись как на бога. А ты? Как ты мог?

У Тихомирова эмоции явно преобладали над разумом.

– Миш, чем я могу помочь, если такой несчастный случай произошел? Я же не специально всё-таки или ты мне не веришь? – сказал Суматохин.

– Верю, – ответил не сразу Тихомиров.

– Ладно, Миш, держитесь. Не железные же они, должны же они когда-нибудь уйти, – постарался немного подбодрить управляющего Суматохин.

– По-моему, они этого не собираются делать, пока не добьются своего. Очень упрямые товарищи. Я еще вот почему звоню. Ты, Олег, сам представляешь – ситуация у нас критическая. А тут ещё один из них омон вызвал.

– Какой омон? – Суматохин отказывался верить своим ушам.

– Обыкновенный, – спокойно ответил Тихомиров.

– Миш, если можно по порядку, – попросил взволнованно Суматохин.

– Эти, блин, я уже не знаю, как их назвать. Короче, начали они требовать, чтобы мы предъявили им всю документацию. Мы, естественно, под различными предлогами уворачивались, пока они не пошли на штурм и не полезли в ящики столов. Наши девчонки пытались оказать сопротивление. И Людка сцепилась с одним: он обозвал ее не хорошим словом. Этот гад порвал у нее край подола. А тут еще, как назло, Людкин Борька приехал, время-то уже много, задержались мы уже больше чем на два часа, и видит. Людка вцепилась в волосы этому гаду, а тот отбивается, хватает и лапает её за разные там места. Естественно Борис не смог сдержать себя и «поучил» его немножко. Вернее, конечно не немножко, а очень даже ощутимо. Этот гад даже сознание потерял, до сих пор не можем привести его в чувство. А второй убежал, но вслед успел крикнуть, что дескать ждите омон. Вот так. Он побежал омон вызывать, а мы скорую вызвали. Этот, мало того, что не может в себя прийти, у него к тому же кровь из носа хлещет. Правда Борька нас успокаивает: говорит ничего страшного, до свадьбы заживет, – Тихомиров описал вкратце последние события, произошедшие в агентстве.

Суматохин почувствовал, как холод пробежал у него по коже. Они теперь как бы поменялись местами. Тихомиров немного успокоился, перекинув свое волнение Суматохину, а тот наоборот, начал беспокоиться, уже яснее представляя, что творится в его родном агентстве.

– Что же делать? – вялым, безжизненным голосом буркнул в трубку Суматохин.

Тихомиров хмыкнул, прежде чем ответить: по его мнению, на этот вопрос давно уже должен был ответить сам Суматохин, ведь это же в первую очередь его фирма, его детище.

– Олег, если бы я знал ответ на этот вопрос, я бы наверняка не звонил бы тебе, – с некоторым чувством превосходства в голосе, наконец ответил Тихомиров, видимо предположив, что его ответ был очень остроумен.

– Конечно, конечно, Миш. Я понимаю – это, в первую очередь, моя вина. Конечно же, я должен сейчас находиться среди вас. А так очень сложно оценить ситуацию, чтобы дать правильный совет. Так что, Миш, прости конечно. Ты даже себе представить не можешь, как я себя паскудно чувствую из-за того, что не могу подействовать на ситуацию. Миш, я тебя очень прошу: придумайте что-нибудь, я верю в вас, и ещё раз прости...

Они попрощались, и Суматохин с нескрываемым облегчением отключил связь.

«Это наваждение какое-то. Какой-то злой рок. Почему-то судьба в один день обрушивает на меня удар за ударом. Так с ума можно сойти. К телефону уже стало страшно подходить. И с этим „вымогателем“ еще надо разобраться (он имел в виду Каштанова). Просто какой-то чёрный день», – Суматохина переполняли отрицательные мысли и эмоции. Он даже не сразу вспомнил, куда направлялся. А вспомнив, ему подумалось, что то, чем он собирается сейчас заняться, верх глупости и безумия. Эта мысль заставила его ещё больше предаться самотерзанию. Но так как Суматохин представлял собой натуру непостоянную, то он довольно скоро оправился от тяжелых мыслей. Немного погоревав и поразмыслив над своим печальным положением в обществе, он пришёл к выводу, что положение его хоть и отчаянное, но рано или поздно все равно чем-нибудь да закончится, поэтому лучше не париться, а заняться «делом». И он, накинув куртку, вышел в подъезд. Пока Суматохин разговаривал по телефону, а потом еще приходил в себя, времени прошло прилично, и Юлия думала, что он уже не вернется, но дождалась его.

Они вошли в кабину лифта. Суматохин остановил лифт между седьмым и восьмым этажом. Условия конечно и ситуация были не очень подходящие, но Суматохин уже решился и готов был идти до конца. Он даже почувствовал необычный прилив сил от осознания дерзости своего поступка. Это здорово заводило его и наверное Юлю. Суматохин начал подбирать удобное положение... И может быть всё бы у них получилось, если бы не Каштанов, которому вдруг взбрело в голову, что Суматохин хочет убежать.

Находясь на кухне, Каштанов краем глаза заметил, что Суматохин накидывает в прихожей куртку и выходит из квартиры. Ему показалось подозрительным то, что Суматохин стал постепенно пропадать из его поля зрения. Каштанов поинтересовался у Элеоноры:

– Куда это он?

– Курить, – ответила Элеонора.

– Он так часто курит?

– Не знаю, я же не слежу за ним.

– Странно.

– Что? – не поняла, что имел в виду Каштанов, Элеонора.

– Я о поведении вашего мужа, – пояснил Каштанов.

– Ах, – Элеонора даже улыбнулась. – Если вы о поведении моего мужа, то в этом для меня уже давно нет ничего удивительного.

– Что, неужели он настолько странный человек, что от него можно ожидать любого сюрприза?

– Именно так.

– И вы спокойно миритесь с тем, что можете от него получить в любой момент неизвестно что? – искренне удивлялся Каштанов.

– Что поделать – видно такова наша доля бабья, – ответила Элеонора, пожав плечами.

– Ну, зачем себя хоронить раньше срока.

– Вам легко говорить, мужчинам – за вами всегда выбор. А нам остаётся только терпеть того, который достанется, если ещё найдется такой, – пожаловалась Элеонора.

– Что за глупости, вы рассуждаете, как какая-нибудь, я не знаю, как сказать даже... Но вы же такая, что я не думаю, что если что-нибудь случилось бы, вы остались одни. Я даже уверен в этом.

– Скажете тоже.

Между Каштановым и Элеонорой сразу возникла взаимная симпатия, и Каштанов даже не скрывал своих чувств.

«Этот Суматохин. Он способен на все. От него можно ожидать всё что угодно. Чем он сейчас занят? Что замышляет?» – Каштанов пытался поставить себя на его место. «Он загнан в угол. Это я его загнал. И теперь он тянет время. Для чего? Может быть... Может быть, чтобы сделать ноги: незаметно, по-тихому. Глупо? Отчего же. Он должен, а отдавать может быть нечем. Что тогда остается делать?», – размышляя таким образом, Каштанов пришел к выводу, что Суматохин находится в такой ситуации, что вполне мог решиться на любой отчаянный шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.